

**ИНО-
ДЕТЕКТИВ**

**ДЖЕК
ХИГГИНС**

**ОРЁЛ
ПРИЗЕМЛИЛСЯ**

Джек Хиггинс
Орел приземлился
Серия «Инодетектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74614371
Орел приземлился : Роман; Родина; Москва; 2026
ISBN 978-5-00269-323-8

Аннотация

Точно в час ночи на субботу, 6 ноября 1943 г. в Берлине получили простое на первый взгляд сообщение: «Орел приземлился». Оно означало, что маленький отряд немецких парашютистов благополучно приземлился в Англии с заданием выкрасть премьер-министра Уинстона Черчилля из поместья в Норфолке, где тот проводил спокойный уик-энд у моря.

Книга, которую вы держите в руках, представляет собой попытку воссоздать события вокруг этой акции. По крайней мере половина рассказанного является документированным историческим фактом. Читатель сам должен решить, что из второй половины вымысел, а что – плод размышлений...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	67
Глава 4	99
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Джек Хиггинс

Орел приземлился

© Хиггинс Дж., 2026.

© Рахлина З., перевод, 2026.

© ООО «Издательство Родина», 2026

Глава 1

Когда я пришел на кладбище, кто-то копал в его углу могилу. Я помню это совершенно отчетливо, потому что этот факт как бы очертил место действия почти всего, что затем произошло.

С берез на запад от церкви поднялось пять или шесть грачей, которые сердито перекликались, пока я пробирался между могильными плитами к разрытой могиле. Воротник моего плаща был поднят – дождь лил вовсю.

Тот, кто находился в яме, тихо разговаривал сам с собой. Слов его расслышать было невозможно. Я подошел к куче свежей земли, увернувшись от вылетевших комьев, и заглянул вниз.

– Мерзкое утро для такой работы, – сказал я.

Он поднял голову и оперся на лопату – глубокий старик в матерчатой кепке, в ветхом, покрытом грязью костюме и с накинутым на плечи мешком. Щеки у него запали и были покрыты седой щетиной, глаза слезились и ничего не выражали.

Я начал снова.

– Дождь, – произнес я.

В глазах у него отразилась какая-то мысль. Он посмотрел на хмурое небо и почесал подбородок:

– Ухудшится, прежде чем улучшится, скажу я вам.

– Вам, должно быть, трудно в такую погоду, – продолжал я. На дне ямы плескалось по меньшей мере на шесть дюймов воды.

Он ткнул лопатой в дальний угол могилы, и тот обвалился, как будто лопнуло что-то прогнившее, и земля покатилась вниз.

– Могло бы быть и хуже. Они все время пихают столько народу в эту свалку костей, что люди не превращаются больше в землю. Новых кладут в месиво из старых.

Он рассмеялся, обнажив беззубые десны, затем нагнулся, покопался в земле под ногами и вытащил косточку пальца.

– Понятно?

Даже для профессионала-писателя, которому в жизни приходится сталкиваться с разными вещами, есть предел того, что можно вынести, и я решил, что мне пора идти дальше.

– Я правильно понял? Это католическая церковь?

– Здесь все римские католики, – сказал он. – Всегда были.

– Тогда вы, может, поможете мне? Я ищу могилу или, возможно, памятник в самой церкви. Гаскону, Чарлзу Гаскону. Морскому капитану.

– В жизни о таком не слышал, – сказал он. – А я здесь могильщиком сорок один год. Когда его похоронили?

– Примерно в 1685 году.

Выражение лица его не изменилось. Он спокойно сказал:

– А, значит, это еще до меня. Отец Верекер – вот кто может что-то знать.

– Он в церкви?

– Там или дома. По ту сторону деревьев позади забора.

В этот момент по какой-то причине колония грачей на березах над нашими головами пришла в движение, десятки птиц закружились под дождем, наполняя воздух шумом. Старик посмотрел на них и швырнул косточку вверх. Затем он сказал очень странную вещь.

– Шумные дьяволы! – крикнул он. – Возвращайтесь в Ленинград.

Я было уже повернулся уйти, но, заинтересованный этими словами, остановился.

– Ленинград? – спросил я. – Почему вы так сказали?

– А они оттуда. И скворцы тоже. Их окольцевали в Ленинграде, а в октябре они появляются здесь. Им там слишком холодно зимой.

– Правда? – спросил я.

Могильщик очень оживился, вытащил из-за уха полсигареты и сунул в рот.

– Там зимой так холодно, что у медной обезьяны может все отмерзнуть. Во время войны под Ленинградом умерло много немцев. Их не убили или там еще что-нибудь. Они просто замерзли насмерть.

К этому моменту я был уже сильно заинтригован и спросил:

– А кто вам все это рассказал?

– О птицах? – на его лице появилось хитрое выражение. –

Как же, Вернер рассказывал. Он все знал о птицах.

— А кто был этот Вернер?

— Вернер? — могильщик несколько раз моргнул, на лице снова появилось тупое выражение, но истинное или нарочитое — сказать было невозможно. — Он был хороший парень, этот Вернер. Хороший парень. Им бы не следовало с ним этого делать.

Он нагнулся над лопатой и снова начал копать, полностью меня игнорируя. Я постоял немного, но было ясно, что больше он ничего не скажет, и поэтому с явной неохотой, ибо то, что я услышал, безусловно, обещало интересную историю, повернулся и стал пробираться среди могильных плит к главному входу в церковь.

На паперти я остановился. На стене церкви висела доска для объявлений из темного дерева, вверху которой потускневшими золотыми буквами было написано: «Церковь Святой Марии и Всех Святых, Стадли Констабл», а ниже указано время богослужения и исповеди. Внизу стояло: «Отец Филипп Верекер, иезуит».

Дверь была дубовая, очень старая, обшитая полосками железа, усеянными гвоздями. Бронзовая ручка — в виде головы льва с большим кольцом в пасти. Чтобы открыть дверь, кольцо надо было повернуть. Открывалась она со слабым, но зловещим скрипом.

Я ожидал, что внутри будет темно и мрачно, но вместо этого увидел средневековый собор в миниатюре, залитый

светом и удивительно просторный. Аркада нефа была великолепной, огромные нормандские колонны устремлялись к дивному деревянному потолку, богато украшенные барельефами фигурок людей и животных. И все это находилось в отличном состоянии. Ряд круглых окон, освещавших хоры, располагался высоко с двух сторон и давал много света, так удивившего меня. Возле прекрасной каменной купели на стене висела крашеная доска, на которой были написаны имена всех священников, служивших в этой церкви, начиная с Рафа де Курси в 1132 г. и кончая Верекером, который пришел сюда в 1943 г.

В глубине находилась маленькая темная часовня, в которой перед изображением Девы Марии мерцали свечи, и казалось, что она плывет по воздуху. Я прошел мимо нее по центральному проходу между скамьями. Было очень тихо, от лампы в ризнице падал рубиновый свет, у алтаря – крест XV столетия с распятым Христом, дождь барабанил по окнам.

Позади меня раздался скрип, и сухой, твердый голос спросил:

– Могу я вам помочь?

Я обернулся и увидел священника, стоящего в проеме часовни Девы Марии, – высокого сухопарого мужчину в поношенной рясе. Его седые волосы с металлическим отливом были очень коротко пострижены, глаза глубоко запади, как будто он недавно болел, и впечатление это усиливала туго натянутая на скулах кожа. Лицо было странное. Человек этот

мог быть солдатом или ученым, но это меня не удивило, когда я вспомнил, что на доске объявлений значилось, что он иезуит. Заметно было также, что боль — его постоянный спутник, и когда священник подошел, я увидел, как он тяжело опирается на палку из терновника и тянет левую ногу.

— Отец Верекер?

— Точно.

— Я разговаривал со стариком на кладбище, могильщиком.

— А, да, Лейкер Армсби.

— Если это его имя. Он сказал, что вы, возможно, сможете мне помочь, — я протянул руку: — Кстати, меня зовут Хиггинс. Джек Хиггинс. Я писатель.

После недолгого колебания он пожал мне руку, но задержка произошла просто потому, что ему пришлось переложить палку из правой руки в левую. И все же в нем чувствовалась сдержанность, а может, это мне показалось.

— Чем же могу вам служить, мистер Хиггинс?

— Я пишу серию статей для американского журнала, — сказал я. — Исторических. Вчера был в церкви Святой Маргариты в Клейе.

— Прекрасная церковь, — он сел на ближайшую скамейку. — Простите, я теперь довольно быстро устаю.

— Там на кладбище есть могильная плита, — продолжал я. — Возможно, вы ее помните? «Джеймсу Гриву...»

Он тут же перебил меня:

– «...который помогал сэру Клуесли Шовелу сжечь корабли в порту Триполи четырнадцатого января 1676 г.», – он показал, что умеет улыбаться. – Но эта эпитафия широко известна в этих местах.

– По моим данным, когда Грив был капитаном «Орандж три», у него был помощник по имени Чарлз Гаскон, который впоследствии стал капитаном военного корабля. Он умер от старой раны в 1683 г., и вроде Грив привез его хоронить в Клейе.

– Понятно, – сказал он вежливо, но без особого интереса, и в голосе его послышалось некоторое нетерпение.

– На кладбище в Клейе нет никаких его следов, – сказал я. – Нет их и в церковных книгах. Я побывал в церквях в Уивтоне, Глэндфорде и Блэрни с тем же результатом.

– И вы думаете, что он может быть здесь?

– Я снова просмотрел свои записи и вспомнил, что мальчиком он был католиком, и я подумал, что он, возможно, похоронен на католическом кладбище. Я остановился в отеле в Блэрни и разговорился там с одним из барменов, который сказал, что в Стадли Констабл есть католическая церковь. Это действительно забытое богом место. Я искал его целый час.

– Боюсь, что зря, – он встал, опираясь на палку. – Я в этой церкви двадцать восемь лет и могу уверить вас, что никогда не встречал какого бы то ни было упоминания о Чарлзе Гасконе.

Это был мой последний шанс, и, конечно же, разочарование мое вырвалось наружу, потому что я упорствовал:

– Вы абсолютно уверены? Как насчет церковных книг того времени? Возможно, есть запись о захоронении.

– Так получилось, что история этих мест – предмет моего личного интереса, – сказал он с некоторым ехидством. – Нет ни одного документа, связанного с этой церковью, с которым я не был бы по-настоящему знаком, и могу вас уверить, что ни о каком Чарлзе Гасконе нигде нет упоминания. А теперь извините меня, пожалуйста. Мой ленч ждет меня.

Священник сделал шаг, но тут палка его скользнула, и он чуть не упал. Я схватил его за плечо и нечаянно наступил ему на левую ногу. Он даже не повел глазом.

Я сказал:

– Простите, чертовски неловко с моей стороны.

Он улыбнулся во второй раз.

– Вы мне не сделали больно, – он постучал по ноге палкой. – Проклятая неприятность, но, как говорят, я научился с ней жить.

Эти слова не требовали ответа, да священник и не ожидал его. Мы медленно пошли по проходу, и я сказал:

– Необыкновенно красивая церковь.

– Да, мы гордимся ею, – он открыл передо мной дверь. – Мне очень жаль, что не смог вам помочь.

– Ничего не поделаешь, – ответил я. – Вы не возражаете, если я похожу по кладбищу, раз уж я здесь?

– Вижу, вас трудно убедить, – но в голосе его не было досады. – Почему бы нет? У нас есть несколько очень интересных плит. Особенно рекомендую вам западную часть кладбища. Ранний восемнадцатый век и, по-видимому, работа того же местного мастера, что и в Клейе.

На этот раз он тотчас же подал руку. Когда я пожимал ее, он сказал:

– Знаете, мне ваше имя показалось знакомым. Не вы ли написали книгу о событиях в Ольстере в прошлом году?

– Я. Мерзкое дело.

– Война всегда мерзкая, мистер Хиггинс, – лицо его стало мрачным. – Человек предстает со своей самой жестокой стороны. До свидания.

Он закрыл дверь, а я вышел на паперть. Странная встреча. Я закурил сигарету и пошел под дождем. Могильщик ушел, и на некоторое время я оказался на кладбище один, конечно, если не считать грачей. Грачей из Ленинграда. Я снова подумал о них, но потом решительно выбросил эту мысль из головы. Надо было делать свое дело. Правда, после разговора с отцом Верекером особой надежды найти могилу Чарлза Гаскона у меня не было, да и, сказать по правде, мне казалось, смотреть-то там было не на что.

Я медленно шел от могилы к могиле, начав с западного края, обращая внимание на плиты, о которых он говорил. Они действительно были любопытными. С барельефами и гравировкой, выразительно, хотя и грубо изображающими

орнамент из костей, черепов, крылатых песочных часов и архангелов. Интересно, но к Гаскону никакого отношения они не имели.

Осмотр всего кладбища занял час двадцать минут. В отличие от большинства нынешних сельских кладбищ, оно содержалось в очень приличном состоянии. Трава выкошена, кусты пострижены, встречалось очень мало заросших мест. Но в конце концов я понял, что ничего не найду.

Итак, Чарлза Гаскона нет. Стоя у только что вырытой могилы, я признал себя побежденным. Старый могильщик укрыл могилу брезентом, чтобы не дать дождю залить ее, и один его конец свесился в яму. Я нагнулся, чтобы поправить его, и, когда начал выпрямляться, заметил странную вещь.

В нескольких ярдах от меня, у стены под колокольной, лежала плоская могильная плита на холмике, покрытом зеленой травой. Плита эта относилась к раннему XVIII веку и была типичным примером работы местного каменотеса, о котором я уже говорил. Вверху был мастерски изображен череп со скрещенными костями, а принадлежала плита торговцу лесом по имени Джеремиа Фуллер, его жене и двоим детям. И тут я заметил, что из-под этой плиты как будто виднеется другая плита.

Моя кельтская кровь легко загорается, и меня охватило необъяснимое волнение, будто я почувствовал, что стою на пороге чего-то интересного. Я встал на колени и попытался взяться за плиту, что оказалось довольно трудно. Но вдруг,

совершенно неожиданно, она поддалась.

– Вылезай, Гаскон, – тихо сказал я. – Пусть это будешь ты.

Плита сдвинулась вбок, один ее угол приподнялся, и мне открылось... Думаю, это был один из самых удивительных моментов в моей жизни. Под верхней плитой я действительно увидел еще одну, но с немецким крестом вверху – таким, который можно было бы назвать «Железным крестом». Надпись, сделанная по-немецки, гласила: «Здесь покоятся подполковник Курт Штайнер и 13 немецких парашютистов – свободных охотников, павших в бою 6 ноября 1943 г.».

Я не очень хорошо владею немецким, в основном из-за отсутствия практики, но для этой надписи его было вполне достаточно.

Лил дождь. Я присел на корточки, тщательно проверяя свой перевод, и хотя он был правильным, надпись казалась мне бессмысленной. Во-первых, я знал, поскольку когда-то написал на эту тему статью, что когда в Кэннок Чейсе, графство Стаффордшир, в 1967 г. открыли немецкое военное кладбище, туда перевезли останки 4925 немецких военнослужащих, умерших в Великобритании во время Первой и Второй мировых войн.

«Павших в бою» – написано на камне. Нет, это какая-то чушь. Чей-то хитрый розыгрыш. Не иначе.

Все дальнейшие размышления по этому поводу были прерваны внезапным яростным криком:

– Что, черт побери, вы тут делаете?

Отец Верекер ковылял ко мне между могил, держа над головой большой черный зонт.

Я весело воскликнул:

– Думаю, вам это покажется интересным, отец! Я сделал поразительное открытие.

Когда он приблизился, я увидел, что сделал что-то не так. Даже очень не так, потому что лицо священника побелело, и он затрясся от ярости.

– Как вы посмели двигать эту плиту? Кошунство – вот единственное слово, которым можно назвать ваши действия.

– Ладно, – сказал я. – Простите меня за это, но посмотрите, что я обнаружил под ней.

– Плевал я на то, что вы обнаружили под ней. Немедленно положите ее на место.

Теперь я начал раздражаться.

– Не глупите. Разве вы не понимаете, что здесь написано? Если вы не читаете по-немецки, позвольте, я вам скажу. «Здесь покоятся подполковник Курт Штайнер и 13 немецких парашютистов – свободных охотников, павших в бою 6 ноября 1943 г.». Неужели вы не находите это дьявольски интересным?

– Не особенно.

– Вы хотите сказать, что уже видели его раньше?

– Конечно, нет, – теперь в нем появилось что-то загнанное, в голосе прозвучало отчаяние, когда он добавил. – Будьте так любезны, положите плиту на место.

Я ни на мгновение не поверил ему и спросил:

– Кто был этот Штайнер? Что это было за дело?

– Я уже сказал вам, что не имею ни малейшего представления, – произнес он с еще более загнанным видом.

И тут я кое-что вспомнил.

– Вы ведь были здесь в 1943 году, правда? Вы же тогда получили этот приход. Так написано на доске в церкви.

Он взорвался:

– Говорю вам в последний раз, положите плиту на место!

– Нет, – возразил я, – боюсь, что сделать этого не смогу.

Странно, но, казалось, он взял себя в руки.

– Очень хорошо, – спокойно сказал священник. – Тогда вы очень меня обяжете, если немедленно удалитесь.

Похоже было, что спорить не о чем, учитывая его настроение, поэтому я подчинился.

– Хорошо, отец, если вы этого желаете.

Я дошел до дорожки, когда он крикнул мне вслед:

– И не возвращайтесь. Если вы вернетесь, я без малейшего колебания вызову местную полицию.

Я вышел через покойницкую, сел в «Пежо» и уехал. Его угрозы не беспокоили меня. Я был слишком взволнован, слишком заинтригован. Все в Стадли Констабл казалось таинственным. Это было одно из мест, которое можно найти только в Норфолке, и больше нигде. Деревня, которую вы вдруг нечаянно находите, а потом так и не можете найти снова. И начинаете сомневаться, а существует ли она вообще.

Нельзя сказать, чтобы деревня была очень большой. Церковь, старый дом священника в саду за забором, пятнадцать или шестнадцать разного рода коттеджей, разбросанных вдоль реки, старая мельница с массивным колесом, деревенский паб «Стадли армс».

Я остановился на обочине дороги у реки, закурил и начал обдумывать все, что произошло. Отец Верекер лжет. Он видел этот камень прежде, знал его роль – в этом я был убежден. Если вдуматься, получается довольно забавная история. Я случайно приезжаю в Стадли Констабл в поисках Чарлза Гаскона. Но вместо его следов обнаруживаю куда более интригующее, настоящую тайну. Как же быть с ней? Вот в чем вопрос.

Решение явилось передо мной почти мгновенно в лице могильщика Лейкера Армсби, который вышел из узкого проулка между двумя коттеджами. Он был все еще залеплен грязью, на плечах все еще висел старый мешок. Армсби перешел дорогу и вошел в «Стадли армс». Я вышел из «Пежо» и пошел за ним.

Судя по табличке над входом, паб держал некто Джордж Генри Уайльд. Я открыл дверь и оказался в коридоре с каменным полом и обшитыми панелями стенами. Дверь слева была открыта настежь, и оттуда доносились шум голосов и взрывы смеха.

В большой удобной комнате горел огонь в каминном очаге. Стойки не было, стояли несколько лавок с высокими

спинками и два деревянных стола. В комнате находились шестеро или семеро посетителей отнюдь не молодого возраста. Я бы сказал, что их средний возраст был лет шестьдесят – обстоятельство, угнетающе часто встречающееся в наши дни в сельской местности. На вид все они были настоящими крестьянами: обветренные от постоянного пребывания на открытом воздухе лица, твидовые кепки, резиновые сапоги. Трое играли в домино, двое следили за игрой, один старик сидел у огня и тихо, как бы для себя, играл на губной гармошке. При моем появлении они подняли головы и оглядели меня с тем серьезным интересом, который тесно связанные между собой люди всегда проявляют к незнакомцам.

– Добрый день, – сказал я.

Трое посетителей приветливо кивнули мне, хотя у одного из них – огромного типа с черной с проседью бородой – вид был далеко не дружелюбный. Лейкер Армсби сидел за столом отдельно перед кружкой эля, усердно скатывая пальцами самокрутку. Он взял ее в рот, я подошел к нему и предложил огня.

– Привет.

Он безразлично посмотрел на меня, но когда узнал, лицо его прояснилось:

– А, это снова вы. Нашли отца Верекера?

Я кивнул.

– Еще выпьете?

– Не откажусь, – он осушил свою кружку в два приема. –

Пинта темного пойдет очень хорошо, Джорджи!

Я обернулся и увидел стоящего позади меня невысокого плотного мужчину в рубашке, без пиджака, по-видимому, хозяина – Джорджа Уайльда. Он, похоже, был одного возраста с остальными и выглядел вполне обычно, если бы не одна особая примета. Когда-то ему выстрелили в лицо в упор. В своей жизни я видел достаточно огнестрельных ранений, чтобы быть в этом уверенным. Пуля сорвала у него кожу с левой щеки, зацепив, видимо, кость. Ему еще повезло.

Он любезно улыбнулся:

– А вы, сэр?

Я сказал, что выпью большую рюмку водки с тоником, на что все фермеры, или кем они там были, с довольным видом посмотрели на меня. Но меня это не особенно беспокоило, потому что водка – единственное спиртное, которое я могу пить, получая хоть какое-то удовольствие. Самокрутка Лейкера Армсби довольно быстро выкурилась, и я дал ему сигарету, которую он с готовностью принял. Выпивку принесли, и я пододвинул к нему его эль.

– Как давно вы могильщиком при церкви?

– Сорок один год.

Он осушил свою пинту. Я сказал:

– Выпейте еще одну и расскажите мне о Штайнере.

Губная гармошка резко замолкла, разговор замер. Старый Лейкер Армсби глядел на меня поверх кружки с тем же хитрым выражением лица, что и прежде.

– Штайнер? – спросил он. – Ну, Штайнер был...

Джордж Уайльд прервал его, собирая пустые кружки и вытирая стол тряпкой:

– Все, сэр, время, пожалуйста.

Я посмотрел на часы. Было два тридцать. Я запротестовал.

– У вас неверные часы. До закрытия еще полчаса.

Он взял мою рюмку водки и подал мне.

– Это свободное заведение, сэр, и в маленькой спокойной деревушке вроде нашей мы обычно поступаем, как хотим, и никого это не касается. Если я говорю, что закрываюсь в два тридцать, значит, в два тридцать, – он дружелюбно улыбнулся. – На вашем месте я бы выпил, сэр.

В воздухе повисло такое напряжение, что его, казалось, можно было потрогать рукой. Все смотрели на меня, и лица их были жесткими, без выражения, глаза, как камни, а чернобородый великан придвинулся к концу стола и облокотился на него, грозно уставившись на меня.

– Вы слышали, – сказал он тихо, с угрозой в голосе. – А теперь выпейте, как пай-мальчик, и ступайте домой или где вы там живете.

Я не спорил, потому что атмосфера с каждой минутой накалялась. Не торопясь, я выпил водку с тоником, как будто этим что-то доказывая им или себе, и вышел.

Странно, но я не рассердился. Я был захвачен всем этим невероятным делом и, конечно же, слишком далеко зашел, чтобы отступить. Мне необходимо было получить ответы на

ряд вопросов. И вдруг мне стало ясно, как их получить.

Я сел в машину, переехал через мост, выехал из деревни мимо церкви и дома священника в направлении Блэрни. В нескольких сотнях ярдов от церкви я съехал на колею, оставил там машину и вернулся пешком, захватив с собой маленький фотоаппарат, лежавший в отделении для перчаток.

Я не боялся. В конце концов, со мной уже был случай, ставший потом известным, когда меня выдворила из отеля «Европа» в Белфасте и отвезла в аэропорт вооруженная группа, которая предложила ради моего же здоровья сесть в ближайший самолет и никогда не возвращаться. Но я возвращался, и не раз, и даже написал об этом книгу.

Когда я вернулся на кладбище, камень в честь Штайнера и его людей был точно в том же положении, в котором я его оставил. Я еще раз проверил надпись, чтобы убедиться, что не выставляю себя на посмешище, сделал несколько снимков в разных ракурсах, затем поспешил к церкви и вошел в нее.

В нижней своей части колокольня отделялась занавеской. Я зашел за нее. На перекладине аккуратно висели алые и белые стихари хора мальчиков, там же стоял старый, окованный железом сундук, сверху из темноты спускалось несколько веревок от колоколов, а на стене висела доска, которая сообщала всему миру, что 22 июля 1936 г. был великий колокольный перезвон. Я с интересом отметил, что Лейкер Армсби был отмечен как один из шести звонарей, осуществлявших этот перезвон.

Еще интереснее были отверстия в доске, которые в свое время заделали гипсом и закрасили. Отверстия шли дальше по стене и явно были образованы пулеметной очередью, что казалось уж совсем невероятным.

Искал я церковную книгу, где регистрировались похороны, но не нашел ни книг, ни документов. Выйдя из-за занавески, я заметил в стене за алтарем маленькую дверцу. Когда нажал на ручку, дверь легко открылась, и я вошел в помещение, явно ризницу, маленькую комнату, обшитую дубовыми панелями. Там были вешалка, на которой висели две рясы, несколько стихарей и риз, большой дубовый старомодный шкаф и письменный стол.

Прежде всего я открыл шкаф и сразу же нашел то, что мне нужно. На одной из полок были аккуратно сложены всевозможные церковные книги. Книг, регистрирующих похороны, было три, и 1943 год был во второй. Я быстро перелистал страницы, чувствуя, что меня ожидает огромное разочарование.

В ноябре 1943 г. зарегистрировано было две смерти, обе относились к женщинам. Я лихорадочно начал листать назад, к началу года, что заняло немного времени, затем закрыл книгу и положил ее на место. Значит, простой путь был для меня заказан. Если Штайнер, кем бы он ни был, был похоронен здесь, он должен быть записан в книгу. Это незыблемая статья закона Англии. Так что же это все означает, черт побери?

Я открыл дверь ризницы и вышел, прикрыв ее за собой. В церкви я увидел двоих из паба: Джорджа Уайльда и чернобородого, в руках которого я с тревогой заметил двустволку.

Уайльд мягко сказал:

– Я же советовал вам уехать, сэр, вы должны это признать. Почему же вы ведете себя неразумно?

Чернобородый сказал:

– Какого черта мы ждем? Давай покончим с ним.

Он двинулся с удивительной быстротой для человека его роста и схватил меня за отвороты плаща. В этот момент дверь в ризницу отворилась, и к нам вышел Верекер. Один бог знает, откуда он появился, но я, безусловно, был рад его видеть.

– Что, скажите на милость, здесь происходит? – требовательно спросил он.

Чернобородый ответил:

– Предоставь это нам, отец, мы справимся.

– Не надо, Артур Сеймур, – сказал Верекер. – Отойди.

Сеймур тупо уставился на него, не отпуская меня. Я мог бы окоротить его несколькими способами, но похоже было, что не стоит.

Верекер повторил:

– Сеймур, – и на этот раз в голосе его послышались металлические нотки.

Сеймур медленно отпустил меня, а Верекер посоветовал:

– Не возвращайтесь сюда больше, мистер Хиггинс. Теперь

вы можете понять, что это не в ваших интересах.

– Хорошо сказано.

Я, конечно, не ожидал криков «держи», «лови», особенно после вмешательства Верекера, но оставаться было неразумно, поэтому я трусцой побежал к машине. Подумать об этом таинственном деле можно было и позже.

Я свернул на колею и увидел Лейкера Армсби, который сидел на капоте моей машины и свертывал самокрутку. Когда я подошел, он встал.

– А, вот и вы, – сказал он. – Значит, удалось удрать?

На лице его опять было то же самое хитрое выражение. Я вытащил сигареты и предложил ему.

– Знаете, что? – сказал я. – По-моему, вы не так просты, как кажетесь.

Он хитро ухмыльнулся и выпустил клуб дыма в дождь.

– Сколько?

Я сразу понял, что он имеет в виду, но в тот момент решил поиграть с ним.

– То есть как – сколько?

– Сколько дадите, чтобы узнать о Штайнере?

Он облокотился на машину, глядя на меня в ожидании, поэтому я достал бумажник, вытащил из него пятифунтовую бумажку и держал ее между пальцев. Глаза его загорелись, он протянул руку, я отстранил свою.

– Ну нет, сначала ответьте на вопросы.

– Ладно, мистер. Что вы хотите знать?

– Кто этот Курт Штайнер?

Он осклабился, глаза смотрели воровато, а на губах снова появилась лукавая, озорная улыбка:

– Да просто он был тем немцем, который появился здесь со своими людьми, чтобы застрелить мистера Черчилля.

Я был так поражен, что стоял, уставившись на него. Он выхватил у меня из руки пятерку, повернулся и неуклюже побежал прочь.

* * *

Некоторые события в жизни производят такое впечатление, что их почти невозможно осознать, например, случай, когда незнакомый голос на другом конце телефонного провода говорит вам, что кто-то, кого вы очень любите, только что умер. Слова теряют смысл, сознание на какое-то мгновение отключается от действительности, и это дает возможность прийти в себя и обрести способность общаться с людьми.

Примерно в таком состоянии я находился после поразительного заявления Лейкера Армсби. Дело даже не в том, что оно невероятно. Из своего жизненного опыта я усвоил: если считать что-то невозможным, оно, по всей видимости, скоро произойдет. Дело в том, что если Армсби сказал правду, то последствия этого так значительны, что в данный момент мой ум не способен был справиться с этой мыслью.

Я чувствовал это, но не мог сознательно все обдумать. Я вернулся в отель «Блэгни», сложил вещи, заплатил по счету и отправился домой, где должна была произойти первая остановка в том путешествии, которое, хоть я этого тогда и не понимал, должно было поглотить год моей жизни – изучения сотен архивов, десятков интервью, путешествий почти по всему миру. Сан-Франциско, Сингапур, Аргентина, Гамбург, Берлин, Варшава и даже – что самое смешное – Фоллз-Роуд в районе Белфаста. Всюду, где, казалось, есть ключ, хоть самый незаметный, который может привести меня к истине и особенно может пролить некоторый свет на понимание загадки, которой был Курт Штайнер, ибо он в какой-то мере был центром всей операции.

Глава 2

В некотором смысле начало всему положил человек по имени Отто Скорцени, который в воскресенье 12 сентября 1943 г. осуществил одну из самых блестящих захватнических операций Второй мировой войны, доложив, к полному удовлетворению Адольфа Гитлера, что тот, как всегда, был прав, а верховное командование вооруженных сил ошибалось.

Гитлер вдруг захотел узнать, почему у немецкой армии нет диверсионно-десантных отрядов «коммандос», как у англичан, у которых они так успешно действовали с самого начала войны. Чтобы успокоить его, верховное командование решило сформировать такое подразделение. В это время в Берлине молодой лейтенант СС Скорцени бил баклуши после ранения на фронте. Ему дали чин капитана и назначили командиром немецких специальных сил, что, в общем, ничего особенного не означало и точно отвечало намерениям верховного командования.

К несчастью для командования, Скорцени оказался блестящим солдатом, с поразительными способностями для выполнения именно таких операций. И события вскоре дали ему шанс доказать это.

3 сентября 1943 г. Италия сдалась, а еще раньше, в конце июля, маршал Бадольо арестовал Муссолини и тайно увез

его. Гитлер потребовал найти и освободить своего бывшего союзника. Задание это казалось невыполнимым, и даже Эрвин Роммель сказал, что идея эта неосуществима, и он надеется, что ему не поручат ее выполнение.

Ему и не поручили, потому что Гитлер дал это задание лично Скорцени, который решительно и энергично взялся за него. Вскоре он выяснил, что Муссолини держат в отеле «Спорт» на вершине Гран Сассо в Абруцци на высоте десяти тысяч футов под охраной двухсот пятидесяти человек.

Скорцени в сопровождении пятидесяти парашютистов перелетел туда на планере, штурмовал отель и освободил Муссолини. Его переправили на маленьком самолете в Рим, а затем на «дорнье» — в «Волчье логово», штаб-квартиру Гитлера на Восточном фронте, расположенную в Растенбурге, в мрачной, сырой и лесистой части Восточной Пруссии.

Этот подвиг Скорцени был отмечен кучей орденов и медалей, в том числе «Рыцарским крестом», открыл перед ним карьеру, включавшую бессчетное множество подобных рискованных подвигов, и превратил его в легенду при жизни. На верховное командование, с подозрением относившееся к таким партизанским действиям, как и все высшие офицеры во всем мире, все это особого впечатления не произвело.

Но фюрер был в восторге. Он чувствовал себя на седьмом небе и танцевал от восторга так, как не танцевал со дня падения Парижа. В среду после приезда Муссолини в Растенбург он все еще пребывал в этом настроении, когда они встрети-

лись, чтобы обсудить события в Италии и последующую роль дуче.

Дом деревенского типа с сосновыми стенами и потолком был удивительно приятным. Внутри стоял круглый стол, на нем ваза с цветами, а вокруг – одиннадцать плетеных кресел. У стены – стол с картами. Рядом с ним, оживленно переговариваясь, стояли Муссолини, рейхсминистр пропаганды и министр тотальной войны Йозеф Геббельс, рейхсфюрер СС и, помимо прочего, глава государственной тайной полиции Гиммлер и руководитель военной разведки – абвера – адмирал Вильгельм Канарис.

Когда Гитлер вошел, все замерли по стойке «смирно». Фюрер был в веселом расположении духа и полон очарования, каким он мог быть только в исключительных случаях: глаза сияли, на губах застыла легкая улыбка. Он бросился к Муссолини, обеими руками тепло пожал ему руку.

– Вы сегодня выглядите лучше, дуче, решительно лучше.

Всем остальным присутствующим вид итальянского диктатора казался ужасным.

– Ну, джентльмены, – обратился к собравшимся фюрер, – какой следующий ход мы предпримем в Италии? Что несет нам будущее? Как вы полагаете, рейхсфюрер?

Гиммлер снял свое пенсне и, размеренными движениями протирая стекла, ответил:

– Полную победу, мой фюрер. Что же еще? Присутствие среди нас дуче – достаточное доказательство того, с каким

блеском вы спасли положение, после того как этот предатель Бадольо подписал перемирие.

Гитлер с серьезным видом кивнул и обернулся к Геббельсу:

– А вы, Йозеф?

Темные, безумные глаза Геббельса горели энтузиазмом.

– Согласен, мой фюрер. Освобождение дуче явилось большой сенсацией в стране и за границей. Как друзья, так и враги полны восхищения. Мы можем праздновать первоклассную моральную победу благодаря вашему вдохновенному руководству.

– И уж совсем не благодаря моим генералам, – Гитлер обернулся к Канарису, который с легкой иронической улыбкой разглядывал карту. – А вы, герр адмирал? Вы также считаете это первоклассной моральной победой?

Есть случаи, когда стоит говорить правду, а есть, когда не стоит. С Гитлером всегда было трудно решить, что это за случай.

– Мой фюрер, итальянский боевой флот весь на якоре под пушками крепости Мальта. Нам пришлось оставить Корсику и Сардинию, и поступают сведения, что наши старые союзники готовятся выступить на другой стороне.

Гитлер смертельно побледнел, глаза зажглись огнем, на лбу выступил пот, но Канарис продолжал:

– Что касается новой Итальянской социалистической республики, объявленной дуче, – он пожал плечами, – пока что

ни одна нейтральная страна, даже Испания, не согласилась установить с ней дипломатические отношения. К сожалению, мой фюрер, по моему мнению, они и не установят.

— По вашему мнению? — с яростью взорвался Гитлер. — По вашему мнению? Вы так же плохи, как и мои генералы. И когда я слушаю их, — что происходит? Неудачи повсюду, — он придвинулся к Муссолини, у которого был весьма испуганный вид, и обнял его за плечи. — Разве дуче здесь благодаря верховному командованию? Нет, он здесь, потому что я настоял, чтобы создали подразделение «коммандос», потому что моя интуиция подсказала мне, что именно так надо сделать.

У Геббельса был обеспокоенный вид, Гиммлер, как всегда, спокоен и загадочен. Но Канарис стоял на своем:

— Я лично вас и не критиковал, мой фюрер.

Гитлер подошел к окну и смотрел на улицу, сцепив руки за спиной. «У меня на эти вещи нюх, и я знал, насколько успешно пройдет такого рода операция. Горстка смельчаков, бросившая вызов всем, — он резко обернулся и посмотрел на них. — Без меня не было бы „Гран Сассо“, потому что без меня не было бы Скорцени», — он сказал это, будто провозгласил библейскую истину.

— Не хочу к вам слишком придираюсь, герр адмирал, но в общем-то чего вы и ваши люди в абвере достигли за последнее время? Мне кажется, что самое большее, что вы можете сделать, это найти предателей, вроде Донаньи.

Ганс фон Донаньи, работавший на абвер, в апреле был арестован по обвинению в государственной измене.

Теперь Канарис был бледнее обычного и, безусловно, стоял на опасной черте. Он сказал:

– Мой фюрер, я не собирался...

Гитлер игнорировал его и повернулся к Гиммлеру:

– А вы, рейхсфюрер, что вы думаете?

– Я полностью принимаю вашу концепцию, мой фюрер, – ответил Гиммлер. – Полностью, но при этом я слегка пристрастен. Ведь Скорцени – офицер СС. Но мне кажется, что операция «Гран Сассо» как раз такая, которой должны были бы заниматься бранденбуржцы.

Он говорил о Бранденбургской дивизии, уникальном соединении, образованном в начале войны для выполнения специальных заданий. Предполагалось, что ее действиями будет руководить второй отдел абвера, специализировавшийся на саботаже. Несмотря на усилия Канариса, это элитарное подразделение большей частью посылалось для нанесения быстрых ударов в тылу у русских с последующим отходом, что давало незначительный эффект.

– Точно, – сказал Гитлер. – Что сделали ваши драгоценные бранденбуржцы? Ничего, о чем бы стоило говорить хоть минуту, – он снова доводил себя до ярости, как всегда в таких случаях, пустив в ход свою поразительную память. – Когда создавали Бранденбургское подразделение, его называли ротой для выполнения спецзаданий, и я помню, как его пер-

вый командир, фон Хиппель, говорил своим людям, что к тому времени, когда он закончит их подготовку, они смогут украсть дьявола из ада. Я нахожу это иронией, герр адмирал, потому что, насколько помню, не они привезли мне дуче. Я должен был организовать это сам.

Голос Гитлера достиг крещендо, глаза излучали огонь, лицо было мокрым от пота.

– Ничего! – взвизгнул он. – Вы мне ничего не дали, но ведь с такими людьми, с таким снаряжением вы должны были бы уже давно доставить мне Черчилля из Англии.

На минуту, пока Гитлер переводил глаза с одного на другого, установилась полная тишина.

– Что, разве не так?

У Муссолини был загнанный вид, Геббельс с энтузиазмом кивал. Масла в огонь подлил Гиммлер, спокойно сказав:

– А почему бы нет, мой фюрер? В конце концов, все возможно, каким бы чудом это ни было, что вы и доказали, доставив сюда дуче из Гран Сассо.

– Совершенно верно, – Гитлер снова успокоился. – Великолепная возможность показать нам, на что способен абвер, герр адмирал.

Канарис был ошеломлен:

– Мой фюрер, я правильно понял, что вы?..

– Но ведь подразделение английских «коммандос» атаковало штаб Роммеля в Африке, – сказал Гитлер, – и подобные группы множество раз совершали налеты на француз-

ский берег. Неужели я должен поверить, что немецкие ребята способны на меньшее? – он погладил Канариса по плечу и любезно сказал. – Позаботьтесь об этом, герр адмирал. Организуйте. Я уверен, вы что-нибудь придумаете, – он обернулся к Гиммлеру. – Вы согласны, рейхсфюрер?

– Конечно, – без колебаний ответил Гиммлер. – По крайней мере, анализ осуществимости абвер ведь может провести?

Он слабо улыбнулся Канарису, который стоял, как громом пораженный. Облизав сухие губы, Канарис хрипло сказал:

– Как прикажете, мой фюрер.

Гитлер обнял его за плечи:

– Хорошо. Я знал, что, как всегда, могу на вас положиться, – он вытянул руку, как будто направляя всех вперед, и склонился над картой. – А теперь, джентльмены, о ситуации в Италии.

* * *

Канарис и Гиммлер возвращались в Берлин на самолете «дорнье» той же ночью. Они выехали из Растенбурга одновременно и проехали девять миль до аэродрома в разных машинах. Канарис опоздал на пятнадцать минут. И когда он наконец поднялся по трапу в «дорнье», настроение у него было не из лучших. Гиммлер уже пристегнул ремни, и Канарис, немного помедлив, подсел к нему.

– Неприятность? – спросил Гиммлер, когда самолет победил по взлетной полосе и развернулся по ветру.

– Шина лопнула, – Канарис откинулся в кресле. – Кстати, большое спасибо. Вы мне очень помогли.

– Всегда рад услужить, – сказал Гиммлер.

Самолет взлетел, и по мере подъема звук мотора становился все глубже.

– Боже мой, но он вчера действительно был в форме, – сказал Канарис. – Захватить Черчилля. Сумасшествие. Вы слышали что-нибудь подобное?

– После того как Скорцени выкрал Муссолини из Гран Сассо, мир не останется прежним. Фюрер верит теперь, что чудеса могут свершаться, и это здорово усложнит вашу и мою жизнь, герр адмирал.

– Муссолини – это одно, – ответил Канарис. – Ничуть не умаляя великолепную операцию Скорцени, можно только сказать, что Уинстон Черчилль будет совсем другое.

– Ну, не знаю, – сказал Гиммлер. – Я видел вражеские киножурналы, как и вы. Сегодня он в Лондоне, завтра в Манчестере или Лидсе. Он ходит по улицам с этой идиотской сигарой во рту и разговаривает с людьми. Я бы сказал, что из всех руководителей мирового масштаба он, пожалуй, охраняется меньше всего.

– Если вы этому верите, то вы поверите чему угодно, – сухо сказал Канарис. – Кем бы они ни были, эти англичане, но они не дураки. В МИ-5 и МИ-6 служит много блестящих

молодых людей, окончивших Оксфорд или Кембридж, которые всадят вам пулю в живот с первого взгляда. Да и сам старик... По-видимому, носит в кармане пальто пистолет, и бьюсь об заклад, все еще снайпер.

Ординарец принес им кофе. Гиммлер спросил:

– Значит, вы не собираетесь заниматься этим делом?

– Мы оба прекрасно знаем, что будет, – ответил Канарис. – Сегодня среда. К пятнице он всю эту безумную идею забудет.

Гиммлер медленно кивнул, потягивая кофе:

– Да, думаю, вы правы.

Канарис встал.

– Простите, надеюсь, мне удастся немного поспать.

Он перешел на другое кресло, укрылся пледом и постарался устроиться поудобнее. Предстоял трехчасовой полет.

Гиммлер наблюдал за Канарисом холодным, неподвижным взглядом. Лицо его абсолютно ничего не выражало. Это мог бы быть труп, если бы не непрерывно подергивающийся мускул на правой щеке.

* * *

Когда Канарис приехал в здание абвера на Тирпиц-Уфер 74–76 в Берлине, приближался рассвет. Водитель, который встречал его в Темпельгофе, захватил с собой двух любимых такс адмирала, и они резво помчались за ним по пятам мимо часовых.

Канарис прошел к себе в кабинет. Расстегнув на ходу морскую шинель, он сбросил ее на руки отворившего дверь ординарца.

– Кофе, – сказал ему адмирал, – побольше, – ординарец начал было прикрывать дверь, но Канарис позвал его:

– Не знаете, полковник Радл у себя?

– Мне кажется, он вчера лег спать у себя в кабинете, герр адмирал.

– Хорошо. Скажите ему, что мне хотелось бы его видеть.

Дверь закрылась. Канарис остался один и устало опустил-ся в кресло за письменным столом. Привычки у Канариса были скромные, кабинет старомодный и сравнительно пустой, с потертым ковром. На стене висел портрет Франко с дарственной надписью. На столе лежало мраморное пресс-папье с тремя бронзовыми обезьянками: «не слышу, не вижу, не говорю» злонамеренных вещей.

– Это я, – тихо сказал он, постукивая по их головам.

Чтобы прийти в себя, он глубоко вздохнул. В этом ненормальном мире он ходил словно по острию ножа. Он подозревал, что были вещи, которые даже ему не следовало знать. Например, попытка двух старших офицеров взорвать самолет Гитлера во время полета из Смоленска в Растенбург и угроза того, что фон Донаньи и его друзья могут расколоться и заговорить.

Появился ординарец с подносом, на котором стояли кофейник, две чашки и маленький молочник с настоящими

сливками – большая редкость в те дни в Берлине.

– Оставьте, – сказал Канарис. – Я сам налью.

Ординарец вышел, и, когда Канарис начал наливать кофе, раздался стук в дверь. Вошел человек, который казался одетым как для парада, так безукоризненна была его форма. Подполковник горных стрелков, на мундире которого были ленточка за Зимнюю кампанию и серебряная нашивка за ранение, а на шее – «Рыцарский крест». Даже повязка на правом глазу точно соответствовала уставу, так же как и черная кожаная перчатка на левой руке.

– А, вот и вы, Макс, – сказал Канарис. – Выпейте со мной кофе и верните мне рассудок. Каждый раз, когда я возвращаюсь из Растенбурга, я все сильнее чувствую, что мне или по крайней мере кому-то другому нужен санитар.

Максу Радлу было тридцать лет, но выглядел он в зависимости от дня и погоды лет на десять-пятнадцать старше. Он потерял правый глаз и левую руку в Зимнюю кампанию в 1941 г. и с тех пор, признанный негодным для фронтовой службы, работал у Канариса. Был начальником третьего отдела, который входил в управление 2, центральное управление абвера, непосредственно подчинявшееся адмиралу лично. Третий отдел занимался особо трудными заданиями, и поэтому Радл имел право вмешиваться в интересующие его дела других отделов абвера, что не способствовало его популярности среди коллег.

– Настолько плохо?

– Хуже некуда, – сказал Канарис. – Муссолини был как шагающий автомат, Геббельс скакал с ножки на ножку, как десятилетний школьник, которому очень хочется писать.

Радл поморщился, потому что чувствовал себя очень неловко, когда адмирал так отзывался о весьма могущественных людях. Хотя кабинет ежедневно проверяли на предмет подслушивающих устройств, настоящей уверенности, что их нет, не было.

Канарис продолжал:

– Гиммлер был в своей обычной роли приятного трупа, ну а уж фюрер...

Радл поспешно прервал:

– Еще кофе, герр адмирал?

– Говорить он мог только о Гран Сассо и о том, какое это дело дьявольское чудо и почему абвер не может сделать что-нибудь столь же блистательное.

Он вскочил, подошел к окну и в щелку между шторами взглянул на серое утро.

– Знаете, что он предлагает сделать, Макс? Выкрасть ему Черчилля.

Радл резко вздрогнул:

– Мой бог, не может быть, чтобы он говорил это серьезно.

– Кто знает? День на день не приходится. Он, правда, не уточнил, доставить ему Черчилля живым или мертвым. Дело с Муссолини ударило ему в голову. Теперь он думает, что возможно все. Если нужно, доставьте дьявола из ада – вот

фразу, которую он с чувством процитировал.

– А другие? Как они это восприняли? – спросил Радл.

– Геббельс был, как всегда, любезен, у дуче – вид загнанный. Гиммлер играл плохую роль: во всем поддерживал фюрера, сказал, что мы можем хотя бы проанализировать это дело. «Анализ осуществимости» – вот как он это сформулировал.

– Понимаю, герр адмирал, – Радл колебался. – Как вы думаете, фюрер это серьезно говорил?

– Конечно, нет, – Канарис подошел к походной койке, откинул одеяло и начал расшнуровывать ботинки. – Он уже об этом забыл. Я знаю, какой он, когда в таком настроении. Несет всякую чушь, – адмирал лег на койку и накрылся одеялом. – Нет, я бы сказал, что бояться надо только Гиммлера. Жаждет моей крови. Он напомним Гитлеру об этом несчастном деле как-нибудь в будущем, когда ему будет выгодно, может, просто для того, чтобы показать, что я не выполняю приказов.

– Что же вы хотите, чтобы я сделал?

– Точно то, что предложил Гиммлер. Анализ осуществимости. Хороший, обстоятельный доклад, который бы создал впечатление, что мы старались изо всех сил. Например, сейчас Черчилль в Канаде, не так ли? Возможно, возвратится на корабле. Вы всегда можете создать впечатление, что серьезно рассматриваете возможность послать подводную лодку в нужный момент в нужное место. В конце концов, как наш

фюрер заверил меня лично меньше чем шесть часов назад, чудеса происходят, но только при соответствующем божественном вдохновении. Прикажите Кругелю разбудить меня через полтора часа.

Канарис натянул одеяло на голову. Радл погасил свет и вышел. Настроение у него было очень неважное, когда он шел к себе в кабинет, и даже не из-за нелепого задания, которое он получил. Такие вещи случались довольно часто. Сказать по правде, он сам называл третий отдел отделом абсурда.

Нет, беспокоила его манера, в которой говорил Канарис, а так как Радл был человеком, любившим быть с собой честным, то он признался себе, что волновался не только за адмирала. Он очень даже думал о себе и своей семье.

Официально юрисдикция гестапо не распространялась на людей в форме. Но в то же время Радл слишком часто видел, как многие его знакомые просто исчезали с лица земли, чтобы верить этому. Позорный декрет «Ночь и туман», по которому многие несчастные исчезли в тумане ночи в самом прямом смысле, предназначался лишь для жителей завоеванных территорий, но, как хорошо знал Радл, в концентрационных лагерях в данный момент было больше пятидесяти тысяч немецких граждан нееврейской национальности. С 1933 г. умерло почти двести тысяч.

Когда Радл вошел в свой кабинет, его помощник унтер-офицер Хофер просматривал только что поступившую ночную почту. Это был спокойный темноволосый человек

сорока восьми лет, трактирщик из Гарца, великолепный лыжник, который, чтобы попасть в армию, уменьшил себе возраст. Он служил с Радлом в России.

Радл сел за стол и угрюмо уставился на фотографию жены и трех дочерей, находившихся в безопасности в горах Баварии. Хофер, знавший эти признаки, подал ему сигарету и налил немного французского коньяка из бутылки, которую держал в нижнем ящике стола.

– Так плохо, герр полковник?

– Так плохо, Карл, – подтвердил Радл, выпил коньяка и рассказал Хоферу все.

* * *

На этом дело могло бы и прекратиться, если бы не удивительное совпадение. Утром 22-го, точно через неделю после беседы с Канарисом, Радл сидел у себя за столом, пробираясь сквозь массу бумаг, накопившихся в течение его трехдневной поездки в Париж.

Настроение было плохое, и, когда дверь отворилась, и вошел Хофер, Радл хмуро посмотрел на него и нетерпеливо сказал:

– Ради бога, Карл, я же просил оставить меня в покое. Ну что теперь?

– Простите, герр полковник. Дело в том, что мне на глаза попало донесение, которое, по-моему, может быть вам

интересно.

– Откуда?

– Из абвера I.

Этот отдел занимался шпионажем за границей, и Радл с неохотой отметил появление слабого интереса. Хофер стоял в ожидании, прижав к груди папку. Радл со вздохом положил перо:

– Ладно, рассказывайте.

Хофер положил папку перед ним и открыл ее:

– Это последнее донесение от агента в Англии. Кодовое имя Звездочка.

Радл посмотрел на первую страницу и потянулся за сигаретой из коробки на столе.

– Миссис Джоанна Грей, – прочитал он.

– Она живет в северной части Норфолка, у самого моря, герр полковник. В деревне под названием Стадли Констабл.

– Ну конечно, – сказал Радл, вдруг ощутив прилив энтузиазма. – Не та ли это женщина, которая сообщила подробности установки Обоу? – он быстро перелистал несколько страниц и нахмурился. – Здесь чертовски много написано. Как она ухитряется столько передавать?

– У нее отличный связной в испанском посольстве, который провозит ее донесения в дипломатическом портфеле. Не хуже почты. Мы обычно получаем корреспонденцию в течение трех дней.

– Поразительно, – сказал Радл. – Как часто она шлет со-

общения?

– Раз в месяц. У нее есть также радио, но пользуется им редко, хотя следует обычной процедуре и держит свой канал открытым по часу три раза в неделю на случай, если экстренно понадобится. На связи с ней с нашей стороны капитан Мейер.

– Ладно, Карл, – сказал Радл. – Принесите мне кофе, и я прочту это.

– Интересный абзац я отметил красным, герр полковник. На третьей странице, – и, выходя из кабинета, добавил. – Я также вложил английскую крупномасштабную военно-топографическую карту района.

Донесение было составлено очень хорошо, ясно и полно ценной информации. Общее описание состояния дел в районе, местоположение двух новых эскадрилий американских самолетов В-17 к югу от Уоша, эскадрильи В-24 у Шерингема. Хороший добросовестный материал, но отнюдь не волнующий. Когда же Радл приступил на третьей странице к короткому абзацу, отчеркнутому красным, он от волнения ощутил спазм в животе.

Информация была простой. Британский премьер-министр Уинстон Черчилль должен был в субботу, 6 ноября, утром инспектировать подразделение бомбардировочной авиации Королевских военно-воздушных сил близ Уоша. Позже в тот же день он намеревался посетить фабрику недалеко от Кингс-Линна и выступить перед рабочими с

краткой речью.

А дальше шло интересное сообщение. Вместо того чтобы возвратиться в Лондон, Черчилль решил провести уик-энд в поместье сэра Генри Уиллафби Стадли Грэндж, которое расположено в пяти милях от деревни Стадли Констабл. Это был чисто личный визит, который предполагалось держать в секрете. Естественно, никто в деревне об этом плане не знал, но сэр Генри, отставной морской капитан третьего ранга, по всей видимости, не мог удержаться, чтобы не поделиться новостью с Джоанной Грей, которая, как вытекало из сообщения, была его близким другом.

Радл несколько минут сидел, уставившись на документ и размышляя о нем, затем взял топографическую карту, приложенную Хофером, и раскрыл ее. В этот момент Хофер внес кофе. Он поставил поднос на стол, наполнил чашку и стоял с невозмутимым видом.

Радл поднял голову:

– Ладно, черт вас побери. Покажите мне, где это. Думаю, вы знаете.

– Конечно, герр полковник, – Хофер ткнул пальцем в Уош и провел им на юг вдоль берега. – Стадли Констабл, а вот Блэки и Клей на побережье, вместе они образуют треугольник. Я посмотрел донесения миссис Грей об этом районе с довоенных времен. Изолированное сельское место. Глухой берег с необъятной приливной полосой и солеными болотами.

Радл еще раз посмотрел на карту и принял решение:

– Позовите ко мне Ханса Мейера. Мне бы хотелось с ним побеседовать, но даже не намекайте, о чем.

– Конечно, герр полковник.

Хофер пошел к двери.

– Да, Карл, – добавил Радл, – все донесения, которые она присылала, принесите. Все, что у нас есть об этом районе.

Дверь закрылась. И Радлу вдруг показалось, что в комнате стало очень тихо. Ему захотелось курить, и, как обычно, он взял русскую папиросу. Многие, кто воевал на Востоке, пристрастились к ним. И Радлу они нравились. Папиросы были слишком крепкими и вызывали кашель, но ему это было неважно: доктора предупредили его, что из-за серьезных ранений жить ему осталось недолго.

Радл подошел к окну, чувствуя себя странно опустошенным. Какой фарс! В самом деле, какой фарс! Фюрер, Гиммлер, Канарис – как тени на белом экране в китайском театре. Ничего осязаемого. Ничего реального в этом глупом деле – охоте за Черчиллем. В то время как хорошие ребята тысячами гибнут на Восточном фронте, он играет в проклятые дурацкие игры вроде этой, которые, по всей вероятности, ни к чему не приведут.

Радл был полон отвращения к самому себе, зол на себя по непонятной причине. Стук в дверь привел его в чувство. Вошел мужчина среднего роста в твидовом костюме. Его седые волосы были в беспорядке, а роговые очки придавали

рассеянный вид.

– А, это вы, Мейер. Спасибо, что пришли.

Мейеру было пятьдесят лет. Во время Первой мировой войны – капитан подводной лодки, один из самых молодых в германском военно-морском флоте. Начиная с 1922 г. полностью занимался разведывательной работой и обладал большей проницательностью, чем казалось на первый взгляд.

– Герр полковник... – официально начал он.

– Садитесь, друг, садитесь, – Радл указал на стул. – Я читал донесение от одного из ваших агентов – Звездочки. Просто захватывающе.

– А, да, – Мейер снял очки и протер их грязным платком. – Джоанна Грей. Выдающаяся женщина.

– Расскажите мне о ней.

Мейер медлил, нахмурившись.

– Что бы вы хотели знать, герр полковник?

– Все! – сказал Радл.

Мейер немного поколебался, видимо, собираясь спросить, зачем. Решив не делать этого, он надел очки и начал рассказывать.

* * *

Девичье имя Джоанны Грей – Иоанна ван Оостен. Она родилась в марте 1875 г. в маленьком городке Вирскоп в Оран-

жевой Республике. Отец был фермером и пастором голландской реформатской церкви. В возрасте десяти лет он участвовал в Великом переселении – миграции в 1836–1838 гг. десяти тысяч бурских фермеров, не желавших оказаться под властью англичан, из далекой колонии на новые земли к северу от Оранжевой реки.

В двадцать лет Джоанна вышла замуж за фермера Дирка Янсена. У нее родилась дочь в 1898 г. – за год до начала войны с англичанами, Бурской войны.

Ее отец сформировал конный отряд и был убит под Блемфонтейном в мае 1900 г. В тот месяц война фактически закончилась, но последующие два года оказались наиболее трагичными из всех, потому что Дирк Янсен, как и все его соотечественники, продолжал борьбу, ожесточенную партизанскую войну мелкими группами, опиравшимися на разбросанные далеко друг от друга фермы.

Английский кавалерийский патруль, захвативший на ферму Янсенов 11 июня 1901 г., искал Дирка, который по иронии судьбы за два месяца до этого умер от ран в горном лагере, о чем жена его не знала. В доме были только Джоанна, ее мать и дочь. Джоанна отказалась отвечать на вопросы капрала, ее затащили для допроса в сарай, где дважды изнасиловали.

Жалобу Джоанны местному военному коменданту отклонили, и вообще, англичане в это время решили бороться с партизанами, сжигая фермы, расчищая целые районы и сгоняя население в лагеря, получившие позже название концен-

традиционных.

Условия в лагерях были плохими, не столько по причине преднамеренной злой воли, сколько из-за плохого управления. Начались эпидемии, и за четырнадцать месяцев умерло более двадцати тысяч человек, среди них мать и дочь Джоанны. Она и сама бы умерла, если бы не внимательный уход за ней английского врача Чарлза Грея, которого направили в лагерь, чтобы хоть как-то улучшить условия пребывания людей, после того как в Англии стало о них известно, что вызвало взрыв общественного негодования.

Ненависть ее к англичанам приняла патологическую форму и въелась в Джоанну на всю жизнь. Тем не менее, когда Грей сделал ей предложение, она вышла за него замуж. Ей ведь было уже двадцать восемь лет; жизнь ее крепко поломала: она потеряла мужа и ребенка, всех своих близких и не имела за душой ни пенни.

В том, что Грей любил ее, сомнений не было. Он был на пятнадцать лет старше, мало что требовал, был обходителен и добр. С годами у нее появилась к нему привязанность, смешанная с каким-то постоянным раздражением, которое чувствуешь по отношению к непослушному ребенку.

Грей согласился работать в Лондонском библейском обществе как врач-миссионер и на протяжении нескольких лет работал в Родезии, Кении и, наконец, среди зулу. Джоанна никогда не могла понять, зачем он водится с этими кафрами, как она их называла, но принимала это как должное, так

же как и нудную работу учительницей, которую ей пришлось выполнять в помощь мужу.

В марте 1925 г. он умер от удара, и, когда дела его были завершены, она осталась в возрасте пятидесяти лет со ста пятидесятью фунтами в кармане. Судьба нанесла ей еще один жестокий удар, но Джоанна продолжала бороться, согласившись работать гувернанткой в семье английского чиновника в Кейптауне.

В это время Джоанна заинтересовалась бурским национализмом, посещала собрания, которые регулярно устраивала одна из самых экстремистских организаций, ведущих кампанию за выход Южной Африки из Британской империи. На одном из этих собраний она встретила немецкого инженера Ханса Мейера. Он был на десять лет моложе ее, но очень скоро вспыхнул роман, единственное настоящее физическое влечение, которое она испытала после смерти первого мужа. В действительности Мейер был агентом германской военно-морской разведки в Кейптауне и собирал всю возможную информацию о военно-морских сооружениях в Южной Африке. Так получилось, что хозяин Джоанны Грей работал от адмиралтейства, и она могла без особого риска брать из сейфа у него дома интересные документы, с которых Мейер снимал копии.

Джоанна Грей была счастлива, что делает это, потому что страстно любила Мейера. Но было здесь еще одно обстоятельство: впервые в жизни она наносила удар Англии. Это

был своего рода реванш за все то, что ей пришлось перенести.

Мейер вернулся в Германию, но продолжал с ней переписываться.

В 1929 г., когда для большинства людей на земле мир разлетелся на тысячи осколков, поскольку Европа окунулась с головой в кризис, Джоанне Грей вдруг впервые в жизни улыбнулась большая удача.

Она получила письмо от адвокатской конторы в Норвиче, которая сообщала ей, что умерла тетка ее покойного мужа и оставила ей коттедж на краю деревни Стадли Констабл в Северном Норфолке и ежегодный доход немногим больше четырех тысяч фунтов. Было строго оговорено одно условие. Старая дама питала к дому сентиментальную слабость и желала, чтобы завещание вступило в силу лишь в том случае, если Джоанна Грей поселится в доме.

Жить в Англии. От одной мысли об этом по телу поползли мурашки, но выбора не было. Продолжать нынешнюю жизнь в светском рабстве, имея в перспективе лишь нищенскую старость? Она взяла в библиотеке книгу о Норфолке и внимательно прочитала ее, особенно ту часть, где рассказывалось о северном прибрежном районе.

Названия привели ее в замешательство. Стифки, Морстон, Блэкли, Клей-у-моря, соленые болота, галечные пляжи. Все это казалось бессмысленным, и она написала Мейеру о своей проблеме. Мейер сразу же ответил, убеждая ее

поехать и обещая навестить, как только предоставится возможность.

И вот она в Англии – самое лучшее, что она сделала в жизни. Коттедж оказался очаровательным домом георгианского стиля с пятью спальнями, окруженным полуакровым садом, обнесенным каменным забором. В то время Норфолк был самым сельским графством в Англии, почти не изменившимся с XIX века, так что в такой маленькой деревушке, как Стадли Констабл, она считалась богатой женщиной, важным человеком. Кроме того, произошла странная вещь: соленые болота и галечные пляжи очаровали ее, она любила эти места и была счастливее, чем когда-либо в жизни.

Мейер приехал в Англию той же осенью и навещал Джоанну несколько раз. Вдвоем они отправлялись на дальние прогулки. Она показала ему все. Бесконечные пляжи, тянущиеся вдаль, соленые болота, дюны Блэкни Поинт. Он ни разу не напомнил о том периоде в Кейптауне, когда она помогала ему получать необходимую информацию, она ни разу не спросила его о нынешней работе.

Они продолжали переписываться, а в 1935 г. Джоанна приезжала к Мейеру в Берлин. Он показал ей, что делает для Германии национал-социализм. Все, что она видела, опьяняло ее: колоссальные митинги, форма на каждом шагу, красивые молодые люди, смеющиеся, счастливые женщины и дети. Она целиком и полностью согласилась, что это новый порядок. Так и должно быть.

И затем, как-то вечером, когда они медленно шли по Унтер-ден-Линден после вечера в опере, где она видела в ложе самого фюрера, Мейер спокойно сказал ей, что теперь он работает в абвере, и спросил, не согласится ли она быть агентом абвера в Англии.

Она согласилась, не раздумывая, все тело ее при этом трепетало от волнения, какого она еще никогда не испытывала. Итак, в шестьдесят лет она стала шпионкой, эта английская леди высшего класса, какой она считалась у себя в деревне, разгуливая там в свитере и твидовой юбке в сопровождении черной охотничьей собаки. Приятная седовласая дама, у которой в маленьком уютном гнездышке за панелью в кабинете находились передатчик и приемник, а в испанском посольстве в Лондоне – связной, который присылал большой материал в дипломатическом портфеле в Мадрид, откуда его передавали германской разведке.

Сообщения ее всегда были интересными. Как член Женской добровольной службы, она ездила по делам на многие военные объекты и могла сообщать подробно о большинстве баз тяжелых бомбардировщиков Королевских военно-воздушных сил в Норфолке и массу нужной дополнительной информации. Самым большим ее достижением было сообщение в начале 1943 г. о том, что на английских военных самолетах установлены два новых прибора для слепых ночных полетов, которые, как надеялись, должны были значительно повысить эффективность ночных бомбежек Германии.

Самый важный из них, прибор Обоу, работал, соединяясь с двумя наземными станциями в Англии. Одна, известная под названием «Мышь», находилась в Дувре, вторая, «Кошка», располагалась в Кромере, на побережье Северного Норфолка.

Удивительно было, что персонал ВВС охотно делился многочисленной информацией с милой леди из ЖДС, которая выдавала в библиотеке книги и разливала чай. Джоанна побывала в Кромере раз двенадцать и однажды смогла с успехом воспользоваться одним из своих миниатюрных фотоаппаратов. Телефонный звонок синьору Лорка, служащему испанского посольства, который был ее связным, поездка на поезде на денек в Лондон, встреча в Грин-парке – вот и вся процедура.

В те же сутки информация об Обоу в испанском дипломатическом портфеле отправилась из Англии. Через тридцать шесть часов довольный Ханс Мейер положил ее на стол самого Канариса.

Когда Мейер закончил рассказ, Радл отложил листок, на котором делал краткие заметки.

– Очаровательная леди, – сказал он. – Совершенно удивительная. Скажите мне, какую подготовку она получила?

– Вполне достаточную, герр полковник, – ответил Мейер. – Она отдыхала в рейхе в 1936 и 1937 гг. Каждый раз ее обучали обычным делам: кодам, пользованию радио, фотографированию, основным методам саботажа. Никаких осо-

бых успехов она не делала, кроме одного: азбукой Морзе владеет великолепно. Но ее ведь не собирались использовать на практической работе.

– Понятно. А как насчет оружия?

– Тут подготовки не требовалось. Она выросла в вельде. Попадала оленю в глаз с расстояния сто ярдов, когда ей было десять лет.

Радл кивнул, хмуро глядя в пространство, и Мейер осторожно спросил:

– Что-нибудь особенное подвертывается, герр полковник? Может, я могу помочь?

– Не сейчас, – ответил Радл, – но в ближайшем будущем вы можете мне понадобится. Я дам вам знать. Пока достаточно передать все бумаги, касающиеся Джоанны Грей, сюда и до дальнейших распоряжений не устанавливать с нею радиосвязи.

Мейер был ошеломлен и не мог совладать с собой.

– Пожалуйста, герр полковник, если Джоанна в опасности...

– Ни в малейшей, – спокойно сказал Радл. – Поверьте, я понимаю ваше беспокойство, но в данный момент не могу вам больше ничего сказать. Дело величайшей секретности, Мейер.

Но Мейер уже достаточно пришел в себя, чтобы извиниться:

– Герр полковник, простите меня, но я старый друг леди...

Он ушел. Спустя несколько минут из прихожей появился Хофер, неся в руках несколько папок и две свернутые карты под мышкой.

– Информация, которая вам была нужна, герр полковник. Я прихватил также две лоции британского адмиралтейства, на которых обозначена прибрежная зона, номера сто восемь и сто шесть.

– Я приказал Мейеру дать вам все, что у него есть о Джоганне Грей, и приказал не возобновлять радиосвязь, – сказал Радл. – Теперь этим будете заниматься вы.

Он взял одну из своих неизменных русских папирос, Хофер поднес зажигалку, сделанную из русской гильзы калибра 7,62 мм.

– Значит, займемся этим делом, герр полковник?

Радл выпустил клуб дыма и посмотрел на потолок.

– Вы знакомы с произведениями Юнга, Карл?

– Герр полковник знает, что до войны я торговал хорошим пивом и вином.

– Юнг говорит о том, что он называет синхронностью. Иногда события совпадают во времени, и из-за этого кажется, что имеется гораздо более глубокая мотивация.

– Герр полковник? – вежливо сказал Хофер.

– Возьмем наше дело. У фюрера, которого, естественно, бережет небо, вдруг возникает блестящий план, и он выдвигает смешное и абсурдное предложение, чтобы мы вступили в соревнование со Скорцени и превзошли его подвиг в

Гран Сассо, выкрав Черчилля, не указав, правда, живым или мертвым. И тут в рутинное донесение абвера сует свою уродливую голову синхронность: краткое упоминание о том, что Черчилль проведет уик-энд милях в семи-восьми от побережья в отдаленном поместье, в такой забытой богом части страны, о которой только можно мечтать. Понимаете, о чем я говорю? В любое другое время сообщение миссис Грей прошло бы незамеченным.

– Значит, мы все-таки займемся этим делом, герр полковник?

– Похоже, что вмешалась судьба, Карл, – сказал Радл. – Сколько времени, вы говорили, идут сообщения миссис Грей по испанским дипломатическим каналам?

– Три дня, герр полковник, если в Мадриде ждут. И не больше недели, если обстоятельства препятствуют.

– Когда время следующего сеанса радиосвязи?

– Сегодня вечером, герр полковник.

– Хорошо. Пошлите ей сообщение, – Радл снова посмотрел на потолок, обдумывая и пытаясь кратко сформулировать свои мысли. – Очень интересуемся вашим гостем шестого ноября. Хотим сбросить несколько друзей для встречи с ним в надежде, что они убедят его вернуться с ними. Ждем ваших соображений обычным путем со всей относящейся к ним информацией.

– Все, герр полковник?

– Думаю, все.

Это происходило в среду, в Берлине шел дождь, но на следующее утро, когда отец Филипп Верекер прохромал через калитку кладбища при церкви Святой Марии и Всех Святых и пошел по деревне, солнце сияло. Наступил великолепный настоящий осенний день.

В те годы отец Верекер был высоким сухопарым молодым человеком тридцати лет, чья худоба еще больше подчеркивалась черной рясой. Лицо у него было напряженное, перекошенное от боли при ходьбе, и он тяжело опирался на палку. Лишь четыре месяца назад его отпустили из военного госпиталя.

Младший сын хирурга с Харли-стрит, он был блестящим ученым, который еще в Кембридже подавал надежды на выдающееся будущее. Затем, к ужасу всей семьи, он решил учиться на священника, поехал в Английский колледж в Рим и вступил в общество иезуитов.

В 1940 г. он поступил в армию в качестве капеллана и в конце концов был прикомандирован к парашютному полку, но принял участие только в одном бою в ноябре 1942 г. в Тунисе, где прыгал с подразделениями Первой парашютной бригады с приказом захватить аэродром в Удне, в десяти милях от Туниса. В конце операции они вынуждены были отступить с боями на более чем пятьдесят миль по открытой

местности. Всю дорогу их обстреливали самолеты с бреющего полета и атаковали наземные войска.

До своих добрались сто восемьдесят человек. Двести шестьдесят не добрались. Верекер был одним из счастливых, несмотря на пулю, прострелившую насквозь левую голень и задевшую кость. К тому моменту, когда он дошел до полевого госпиталя, у него начался сепсис. Левую ногу ампутировали, а его списали по инвалидности.

Из-за боли, которая терзала Верекера постоянно, ему трудно было быть любезным, но, увидев Джоанну Грей, которая вела велосипед, а по пятам за ней бежала ее собака, он улыбнулся.

– Как вы, Филипп? – спросила Джоанна. – Я не видела вас несколько дней.

На ней была твидовая юбка и свитер под желтым клеенчатым плащом, седые волосы были повязаны шелковым шарфом. Вид у нее действительно был очаровательный. Южно-африканский загар, который так и не сошел, этому способствовал.

– Хорошо, – ответил Верекер. – Потихоньку умираю от скуки больше, чем от чего-нибудь другого. Есть новость с тех пор, как мы виделись. Моя сестра Памела. Помните, я рассказывал о ней? Она на десять лет младше меня. Капрал в Женской вспомогательной службе ВВС.

– Конечно, помню, – сказала миссис Грей. – Что случилось?

– Ее перевели на базу бомбардировщиков всего лишь в пятнадцать милях отсюда, в Пэнгбурн, так что я иногда смогу с ней видаться. Она приедет на уик-энд. Я вас познакомлю.

– С нетерпением буду ждать этого, – Джоанна Грей села на велосипед.

– Поиграем в шахматы сегодня вечером? – с надеждой спросил он.

– Почему бы нет? Приходите около восьми и заодно поужинаем. А сейчас я должна ехать.

Она покатила вдоль реки, Пэч побежала вслед. Лицо Джоанны стало серьезным. Радиограмма прошлым вечером явилась для нее сильнейшим потрясением. Сказать по правде, она расшифровывала ее три раза, чтобы убедиться, что поняла правильно.

Джоанна почти не спала, особенно перед пятью часами, когда лежала и слушала, как гудят «ланкастеры», которым предстояло лететь через море в Европу и через некоторое время возвратиться. Странная вещь, но в конце концов, задремав, она проснулась в семь тридцать, полная жизни и энергии.

Похоже было, что ей впервые поручали важное задание. Это... это было так невероятно! Похитить Черчилля – утащить его из-под самого носа тех, кому было поручено его охранять.

Она громко рассмеялась. О, этим проклятым англичанам

такая штука не понравится. Совсем не понравится, а мир будет поражен.

Когда она съезжала с холма на основную дорогу, позади нее раздался гудок автомобиля. Мимо проехала маленькая закрытая машина и остановилась у обочины. У человека за рулем были большие седые усы и яркий цвет лица, присущий людям, потребляющим ежедневно много виски. На нем была форма подполковника войск местной обороны.

– Доброе утро, Джоанна, – весело воскликнул он.

Встреча была как нельзя более удачной. Теперь ей не придется позже днем ехать в Стадли Грэндж.

– Доброе утро, Генри, – сказала она и сошла с велосипеда.

Он вышел из машины.

– В субботу вечером у нас кое-кто соберется. Бридж и всякое такое. Потом ужин. Ничего особенного. Джин подумала, может, вы захотите присоединиться к нам.

– Очень мило с ее стороны. С удовольствием, – сказала Джоанна. – Ей, должно быть, основательно придется покрутиться, чтобы подготовиться к такому большому событию в наше время.

У сэра Генри был несколько смущенный вид, и он немного понизил голос:

– Послушайте, вы ведь о том деле никому не говорили, а?

Джоанне Грей удалось изобразить неподдельное изумление:

– Конечно, нет. Вы же сами сказали мне, что это секрет,

помните?

– Не стоило вообще говорить об этом, но я ведь знаю, что вам, Джоанна, я довериться могу, – он обнял ее за талию. – В субботу вечером молчок, милая, ради меня, кх-х-х. Если кто-нибудь из гостей услышит хоть намек о том, что предполагается, это сразу же разнесется по всему графству.

– Я для вас готова на все, и вы это знаете, – спокойно сказала она.

– Ну, мне надо уезжать. В Холте у нас совещание командиров округа.

– Вы, должно быть, очень волнуетесь, – сказала она, – при мысли, что будете принимать премьер-министра.

– Конечно. Очень большая честь, – сэр Генри просиял. – Он надеется немного порисовать, а вы знаете, какие прекрасные виды открываются из поместья, – сэр Генри открыл дверцу и сел в машину. – Кстати, а вы куда?

Она ожидала именно этого вопроса.

– О, как обычно, понаблюдать за птицами. Может, доеду до Клея или болот. Еще не решила. В это время есть интересные перелетные птицы.

– Будьте осторожны! – лицо его было серьезно. – И помните, что я вам говорил.

Как командир местной обороны, он разрабатывал планы, охватывающие все аспекты обороны побережья в его районе, в том числе все минированные приливные полосы и, что более важно, полосы, которые только значились заминирован-

ными. Однажды, полный беспокойства о ее безопасности, он потратил целых два часа, тщательно разобрав с ней карты и показав, куда нельзя ходить во время ее наблюдений за птицами.

– Я знаю, что ситуация непрерывно меняется, – сказала она. – Может, вы могли бы зайти ко мне снова с картами и дать мне еще один урок?

Глаза его слегка остекленели.

– Вам бы этого хотелось?

– Конечно. Я сегодня во второй половине дня дома.

– После ленча, – сказал он. – Я приеду около двух, – он отпустил ручной тормоз и поспешно уехал.

Джоанна Грей села на велосипед и поехала вниз по склону к основной дороге, Пэч побежала за ней. Бедный Генри. Она на самом деле очень к нему хорошо относилась. Совсем как ребенок, и так легко с ним справляться.

Полчаса спустя она съехала с прибрежной стороны и поехала по дамбе через пустынные болота, известные под названием Хобс Энд. Это был странный чуждый мир морских заливов, грязевых луж и простирающихся далеко барьеров из бледного тростника выше роста человека, населенный лишь птицами: кроншнепами, травниками и черными казарками, прилетевшими из Сибири зимовать на болотах.

На полпути по дамбе за покрытым лишаем каменным забором под сенью нескольких далеко отстоящих друг от друга сосен стоял вросший в землю коттедж. На вид еще доста-

точно крепкий, с хозяйственными пристройками и большим сараем, но окна выбиты, и от него веяло запустением. Дом смотрителя болот, которого с 1940 г. в нем не было.

Джоанна въехала на высокий гребень холма, покрытый соснами, слезла с велосипеда и прислонила его к дереву. За гребнем шли песчаные дюны. Широкая плоская отмель уходила при отливе в море на четверть мили. Вдалеке, по другую сторону эстуарии, виднелся мыс Поинт, изгибающийся, как длинный согнутый указательный палец, в изгибе которого были канальчики, песчаные банки и мели, во время прилива более опасные, даже смертельно, чем любое другое место у побережья Норфолка.

Она вытащила фотоаппарат и сделала снимки в разных ракурсах. Собака принесла ей палку и осторожно положила у ног. Джоанна нагнулась и ласково потрепала ей уши.

– Да, Пэч, – тихо сказала она. – Я думаю, что это место действительно очень хорошо подойдет.

Она швырнула палку за колючую проволоку, которая перекрывала выход на приливную полосу, и Пэч бросилась мимо столбика с объявлением: «Осторожно, мины». Благодаря Генри Уиллафби Джоанна твердо знала, что здесь нет ни одной мины.

Слева от нее был бетонный блокгауз с пулеметным гнездом, оба в полуразрушенном состоянии, а в промежутке между соснами находилась ловушка для танков, занесенная песком. Три года назад, после разгрома у Дюнкерка, здесь

стояли солдаты, а год назад – бойцы местной обороны. Но сейчас никого не было.

В июне 1940 г. район на двадцать миль в глубину от Уоша до Райя был объявлен зоной обороны. На людей, постоянно живших здесь, никакие ограничения не распространялись, но у приезжих должна была быть веская причина для посещения этих мест. С тех пор все основательно изменилось, и теперь, три года спустя, практически никто не заботился о выполнении этих правил по той простой причине, что необходимости в этом больше не было.

Джоанна Грей снова наклонилась, чтобы потрепать уши собаке:

– Понимаешь, что это значит, Пэч? Англичане больше не ожидают вторжения.

Глава 3

Донесение Джоанны Грей попало на Тирпиц-Уфер в следующий вторник. Хофер обеспечил ему «зеленую улицу». Он отнес его Радлу, который сразу же начал изучать донесение.

В нем были фотографии болота у Хобс Энд и подходов к приливной полосе, и положение их было закодировано на карте. Радл отдал донесение Хоферу.

– Сверхсрочно. Отдайте на расшифровку и подождите, пока ее сделают.

Абвер только что начал пользоваться новым кодирующим устройством, которое позволяло сделать за минуты работу, прежде требовавшую несколько часов. У устройства была обычная каретка пишущей машинки. Оператор впечатывал зашифрованное сообщение, оно автоматически расшифровывалось и поступало в виде запечатанного свитка. Даже оператор не видел расшифрованного сообщения.

Хофер вернулся в кабинет через двадцать минут и молча ждал, пока полковник прочтет сообщение. Радл с улыбкой поднял голову и подвинул его Хоферу:

– Прочтите, Карл, только прочтите его. Отлично, право, отлично. Какая женщина!

Он закурил папиросу и с нетерпением ждал, пока Хофер кончит читать. Наконец сержант оторвал взгляд от докумен-

та:

– Выглядит вполне обещающе.

– Обещающе? Это все, что вы можете сказать? Господи, это же твердая возможность. Совершенно реальная возможность.

Теперь он был взволнован так, как не волновался уже много месяцев. Это было для него плохо из-за сердца, которое находилось в чудовищном состоянии после тяжелейших ранений. Пустая глазница под черной повязкой начала пульсировать, казалось, что алюминиевая рука в перчатке ожила, все жилы натянулись, как тетива. Он задыхался и тяжело опустился в кресло.

Хофер достал из нижнего ящика бутылку коньяка, быстро налил полстакана и поднес к губам полковника. Радл проглотил почти все, тяжело закашлялся и снова обрел над собой контроль.

Он сухо улыбнулся:

– Не могу позволить слишком часто делать это, а, Карл? Осталось только две бутылки. Это теперь как жидкое золото.

– Герру полковнику нельзя так волноваться, – сказал Хофер и грубовато добавил. – Вы не можете себе этого позволить.

Радл выпил еще немного коньяку.

– Знаю, Карл, знаю, но неужели вы не понимаете? Сначала была просто шутка – замечание, брошенное фюрером в плохом настроении в среду, которое в пятницу он бы забыл.

Сделать анализ осуществимости предложил рейхсфюрер, да и то только потому, что хотел поставить адмирала в неловкое положение. Адмирал велел мне набросать что-нибудь на бумаге. Что попало, просто чтобы показать, что мы трудимся.

Он встал и подошел к окну.

– Но теперь, Карл, дело приняло другой оборот. Это больше не шутка. Это можно было бы сделать.

Хофер неподвижно стоял по другую сторону стола, не проявляя эмоций.

– Да, герр полковник, думаю, можно было бы.

– И неужели эта перспектива вас совсем не трогает? – Радл вздрогнул. – Господи, меня это пугает. Принесите мне лоции адмиралтейства и военно-топографическую карту.

Хофер развернул их на столе. Радл нашел Хобс Энд и стал рассматривать его вместе с фотографиями.

– О чем еще можно мечтать? Великолепная площадка для приземления парашютистов, а в этот уик-энд прилив начинается на рассвете и смывает все следы.

– Но даже маленькой группе потребуется транспортный самолет или бомбардировщик, – уточнил Хофер. – Можете себе представить, чтобы «дорнье» или «юнкерс» долго продержался над побережьем Норфолка в эти дни, когда там столько баз бомбардировщиков, которые охраняются регулярными патрульными полетами ночных истребителей?

– Да, это проблема, – сказал Радл. – Но едва ли непреодолимая. Согласно карте люфтваффе, на которой помечены

цели, в данном районе нет радара для самолетов, летящих на низком уровне, что означает, что подход на высоте ниже шестисот футов не был бы замечен. Но сейчас эти детали несущественны. Ими можно заняться позже. Анализ осуществимости, Карл, – вот что нам на этой стадии надо. Вы согласны, что теоретически было бы возможно сбросить на этот берег боевой десант?

Хофер сказал:

– Я принимаю это как предположение. Но как мы их выведем оттуда? Подводной лодкой?

Радл на мгновение взглянул на лоцию и покачал головой:

– Нет, это практически неосуществимо. Отряд будет слишком большим. Я знаю, что как-нибудь людей можно было бы запихнуть на борт, но тогда надо как-то добираться до берега, и проблемой будет вывоз такого числа людей. Требуется что-то попроще. Возможно, торпедный катер. В этом районе задействовано множество торпедных катеров в прибрежных судоходных коридорах. Не вижу причины, почему бы одному из них не проскользнуть между приливной полосою и мысом Поинт. Это будет во время прилива, а, согласно донесению, в этом коридоре нет мин, так что вся операция значительно упрощается.

– На это нужен совет ВМФ, – осторожно заметил Хофер. – Миссис Грей говорит ведь в своем донесении, что воды здесь опасные.

– Поэтому и нужны хорошие моряки. Еще что вам не нра-

вится?

– Простите, герр полковник, но мне кажется, что в высшей степени критичным для успеха всей операции является временной фактор, а откровенно говоря, я не вижу, как его можно согласовать, – Хофер указал на Стадли на топографической карте. – Эта цель примерно в восьми милях от зоны приземления. Принимая во внимание незнакомую территорию и темноту, мне кажется, что отряду потребуется два часа, чтобы добраться до цели, и, каким бы кратким визит ни был, столько же потребуется на обратный путь. По моим расчетам, операция займет шесть часов. Если принять, что в целях безопасности прыгать придется около полуночи, то встреча с торпедным катером произойдет на рассвете, если не позже, что совершенно неприемлемо. Торпедному катеру нужно по меньшей мере два часа темноты, чтобы уйти.

Радл полулежал в кресле, глядя в потолок прикрытыми глазами.

– Очень ясно изложено, Карл. Вы совершенствуетесь, – он сел. – Вы абсолютно правы, поэтому приземляться придется накануне ночью.

– Герр полковник? – сказал Хофер с удивлением на лице. – Не понимаю.

– Все очень просто. Черчилль прибудет в Стадли Грэндж днем или вечером шестого и проведет там ночь. Наш отряд приземлится накануне ночью, пятого ноября.

Хофер, нахмурясь, обдумывал услышанное:

– Мне, конечно, понятно преимущество этого, герр полковник. Дополнительное время даст возможность маневрировать в случае непредвиденных обстоятельств.

– Оно также означает, что не было бы проблемы с торпедным катером, – сказал Радл. – Отряд можно было бы захватить еще в десять-одиннадцать часов в субботу, – он улыбнулся и взял из коробки еще одну папиросу. – Итак, вы согласны, что это также осуществимо?

– Возникнут серьезные проблемы, как скрываться в течение субботы, – сказал Хофер. – Особенно если группа будет большой.

– Вы совершенно правы, – Радл встал и начал ходить взад-вперед по комнате. – Но мне кажется, что напрашивается вполне очевидный ответ. Можно, я задам вопрос вам, Карл, как старому леснику? Если бы вы хотели спрятать сосну, какое место на земле было бы самым безопасным?

– Полагаю, что в сосновом лесу.

– Точно. В отдаленном и изолированном районе вроде этого незнакомый человек, любой незнакомец выпирает, как нарыв на пальце, особенно в военное время. Не забудьте, в тех местах нет отдыхающих. Англичане, так же как и добрые немцы, проводят отпуск дома, чтобы помогать своей стране. И тем не менее, Карл, судя по донесению миссис Грей, там постоянно бывают незнакомые люди, которых принимают без вопросов, – у Хофера был заинтригованный вид, и Радл продолжал. – Солдаты, Карл, на маневрах, военных иг-

рах, охотящиеся друг за другом среди живых изгородей, – он взял донесение Джоанны Грей со стола и полистал его. – Вот, на третьей странице она говорит о поместье Мелтам Хауз в восьми милях от Стадли Констабл. За последний год четыре раза оно использовалось для учений подразделений типа «коммандос». Два раза – британскими «коммандос», один раз – подобным подразделением, состоявшим из поляков и чехов под руководством английских офицеров, а один раз – американскими рейнджерами.

Он передал донесение Хоферу, и тот посмотрел его.

– Нужна только английская форма, чтобы без затруднений пройти по сельской местности. Великолепно сойдет польский отряд коммандос.

– Это, безусловно, решит проблему языка, – согласился Хофер. – Но в польском подразделении, о котором пишет миссис Грей, были английские офицеры, а не просто говорящие по-английски. Пусть герр полковник простит меня, но между тем и другим есть разница.

– Да, вы правы, – сказал ему Радл. – Огромная разница. Если командир англичанин или сходит за англичанина, все дело становится гораздо проще.

Хофер посмотрел на часы:

– Позвольте вам напомнить, герр полковник, что ровно через десять минут должно начаться совещание начальников отделов в кабинете адмирала.

– Благодарю вас, Карл, – Радл подтянул ремень и встал. –

Итак, похоже, что наш анализ осуществимости практически завершен. Мы, кажется, охватили все.

— Кроме того, что, по-видимому, является самым важным вопросом из всех, герр полковник.

Радл был уже на полпути к двери, но остановился:

— Ладно, Карл, удивите меня.

— Руководитель этого предприятия, герр полковник. Он должен быть человеком выдающихся способностей.

— Второй Отто Скорцени, — вставил Радл.

— Точно, — сказал Хофер. — Но в этом случае у него должна быть еще одна способность, а именно способность сойти за англичанина.

Лицо Радла озарилось улыбкой:

— Найдите мне его, Карл. Даю вам сорок восемь часов, — он быстро открыл дверь и вышел.

* * *

Случилось так, что Радлу пришлось на следующий день неожиданно уехать в Мюнхен, и он появился у себя в кабинете на Тирпиц-Уфер только во второй половине дня в четверг. Он невероятно устал, так как в Мюнхене очень мало спал в предыдущую ночь. Бомбардировщики «ланкастер» английских ВВС проявили к этому городу более суровое, чем обычно, внимание.

Хофер принес кофе и налил коньяка.

– Хорошо съездили, герр полковник?

– Средне, – сказал Радл. – Самое интересное случилось, когда мы садились вчера. Над нашим «юнкерсом» на бреющем полете пролетел американский истребитель «мустанг». Паника была довольно серьезная, могу вас уверить. И вдруг мы увидели, что у него на хвосте свастика. По-видимому, это был самолет, потерпевший аварию над нашей территорией, и люфтваффе привела его в порядок, а это был испытательный полет.

– Поразительно, герр полковник.

Радл кивнул.

– У меня возникла идея, Карл. Относительно маленькой проблемы, которая была у вас по поводу выживания «дорнье» или «юнкерса» над побережьем Норфолка, – тут он заметил зеленую папку на столе. – Это что?

– Поручение, которое вы мне дали, герр полковник. Офицер, который мог бы сойти за англичанина. Скажу вам, пришлось покопаться, а вот рапорт о заседании военного трибунала, отчет о котором я запросил. Его должны доставить сегодня после полудня.

– Военный трибунал? – спросил Радл. – Мне это не нравится, – он открыл папку. – Кто этот человек, скажите на милость?

– Его фамилия Штайнер. Подполковник Курт Штайнер, – ответил Хофер. – Я вас оставлю, чтобы вы могли о нем почитать. Интересная история.

История не просто интересная. Захватывающая. Штайнер был единственным сыном генерал-майора Карла Штайнера, командующего округом в Бретани. Он родился в 1916 г., когда отец был майором артиллерии. Мать была американкой, дочерью богатого торговца шерстью из Бостона, который переехал в Лондон из деловых соображений. В тот месяц, когда родился ее сын, ее единственный брат погиб на Сомме в чине капитана Йоркширского пехотного полка.

Мальчик получил образование в Лондоне, бегло говорил по-английски. Он провел пять лет в школе Святого Павла, пока его отец служил военным атташе при германском посольстве. После трагической смерти матери в автомобильной катастрофе в 1931 г. юный Штайнер возвратился в Германию с отцом, но продолжал регулярно посещать родственников в Йоркшире до 1938 г.

Какое-то время он занимался искусством в Париже, находясь на содержании у отца и договорившись с ним, что, если от его занятий толку не будет, он вступит в армию. Именно так и случилось. Недолго он прослужил младшим лейтенантом в артиллерии, а в 1936 г. в ответ на призыв поступил добровольцем в парашютную школу в Штендхале – больше для того, чтобы избавиться от скуки военной жизни.

С первого же дня стало ясно, что у него талант к такого ро-

да флибустьерской солдатской службе. Он участвовал в наземных боях в Польше, прыгал над Нарвиком во время норвежской кампании. В чине лейтенанта на планере потерпел аварию с группой, которая в 1940 г. захватила канал Альберта во время наступления на Бельгию, и был ранен в руку.

Следующей была Греция – Коринфский канал, а затем новый ад. В мае 1941 г., уже капитаном, он принял участие в крупном парашютном десанте на Крите, был тяжело ранен в жестоких боях за аэродром Малем.

Затем Зимняя кампания. Радл почувствовал холод до костей от одного только названия. Господи, неужели мы никогда не забудем Россию, – спросил он себя, – те из нас, кто был тогда там?

Исполняя обязанности майора, Штайнер руководил особой диверсионной группой из трехсот добровольцев, сброшенной ночью, чтобы найти две дивизии, отрезанные во время битвы под Ленинградом, и вывести их. Он вышел из этой операции с пулей в правой ноге, которая оставила его на всю жизнь прихрамывающим, с «Рыцарским крестом» и репутацией человека, который может выводить из окружения.

Он руководил еще двумя операциями подобного характера и ко времени Сталинграда получил звание подполковника. В Сталинграде он потерял половину своего десанта, но за несколько недель до конца операции, когда еще летали самолеты, получил приказ вылететь из Сталинграда. В январе он и сто шестьдесят семь человек, оставшихся в живых из

его диверсионной группы, были сброшены в районе Киева, для того чтобы снова найти и вывести две отрезанные пехотные дивизии. Это кончилось отступлением с боями на триста залитых кровью миль, и когда в последнюю неделю апреля Курт Штайнер вышел к своим, с ним было только тридцать человек из его диверсионного десанта.

Он был немедленно награжден «Дубовыми листьями» к «Рыцарскому кресту» и вместе со своей группой срочно отправлен в Германию поездом. Варшаву он проезжал утром 1 мая. А покидал ее вместе со своими людьми в тот же вечер под усиленным конвоем по приказанию бригадефюрера СС и генерал-майора полиции Юргена Штроопа.

На следующей неделе состоялось заседание военного трибунала. Штайнера и его людей приговорили к службе в качестве штрафного подразделения в операции «Рыба-меч» на острове Олдерни, одном из оккупированных немцами Нормандских островов.

Некоторое время Радл сидел, глядя на папку, затем закрыл ее и нажал кнопку звонка, вызывая Хофера.

– Герр полковник?

– Что произошло в Варшаве?

– Точно не знаю, герр полковник. Надеюсь получить протокол заседания суда военного трибунала несколько позже.

– Ладно, – сказал Радл. – А что они делают на Нормандских островах?

– Насколько я смог узнать, операция «Рыба-меч» – это са-

моубийственная операция, герр полковник. Ее цель – уничтожение кораблей союзников в Ла-Манше.

– А как это делается?

– Видимо, оператор сидит на торпедо с вынутым зарядом и под стеклянным куполом, который его немного защищает. Боевая торпеда крепится под первой, и во время атаки предполагается, что оператор выпускает ее, а сам в последний момент поворачивает от нее прочь.

– Господи боже мой, – в ужасе сказал Радл. – Неудивительно, что на это ставится штрафное подразделение.

Некоторое время он сидел молча, глядя на папку. Хоффер кашлянул и осторожно спросил:

– Думаете, его можно было бы использовать?

– Почему бы и нет, – сказал Радл. – Представляю, что любое предложение покажется ему благом по сравнению с тем, что он сейчас делает. Вы не знаете, адмирал у себя?

– Сейчас узнаю, герр полковник.

– Если он у себя, постарайтесь записать меня на прием к нему на сегодня. Пора сказать ему, как далеко мы зашли. Подготовьте мне план – хороший и краткий, одну страницу, отпечатайте сами. Я не хочу, чтобы кто-нибудь прослышал об этом деле, даже в отделе.

* * *

В этот момент полковник Курт Штайнер пребывал по по-

яс в ледяной воде Ла-Манша; в такой ледяной воде ему не приходилось быть никогда в жизни, она была холодней даже, чем в России, холод въедался в мозг, когда Штайнер сидел, сжавшись в комок под стеклянным куполом на своей торпедо.

Он находился почти в двух милях от северо-восточного края острова Олдерни и к северу от еще меньшего прибрежного острова. Вокруг стоял такой плотный туман, что порой Штайнеру казалось, он на краю света. Но он был не один. По обе стороны от него в воду уходили пеньковые канаты, соединяющие его, подобно пуповине, с унтер-офицером Отто Лемке слева и лейтенантом Риттером Нойманном справа.

Штайнер был поражен, когда его в этот день вызвали к начальству. Еще более удивительными были показания радара, указывающие, что вблизи берега находится судно, – ведь основной путь по каналу лежал гораздо севернее. Как оказалось позже, судно это, «Джозеф Джонсон», типа «Либерти», водоизмещением в восемь тысяч тонн, шедшее из Бостона в Плимут с грузом взрывчатых веществ, во время сильного шторма три дня назад получило повреждение руля. Трудности, связанные с этим происшествием, и сильный туман сбили его с курса.

Штайнер замедлил ход и подергал за канаты, чтобы предупредить своих товарищей. Через некоторое время они выплыли из тумана и присоединились к нему. Лицо Риттера Нойманна в черном капюшоне резинового костюма посине-

ло от холода.

– Мы близко, герр полковник, – сказал он. – Уверен, что слышу их.

Унтер-офицер Лемке подплыл к ним. Курчавую черную бороду, которой он очень гордился, он отрастил по особому разрешению Штайнера в связи с тем, что подбородок Лемке был сильно изуродован русской пулей. Лемке был очень возбужден, глаза сверкали, и, по всей видимости, он считал все это большим приключением.

– И я слышу, герр полковник.

Штайнер поднял руку, призывая его помолчать, и прислушался. Приглушенная пульсация слышалась совсем близко, потому что «Джозеф Джонсон» шел ровно.

– С ним легко справиться, герр полковник, – Лемке улыбнулся, несмотря на то что зубы у него стучали от холода.

– Самая легкая цель из всех, что у нас были. На судне даже не догадаются, что с ними произошло.

– Говори за себя, Лемке, – сказал Риттер Нойманн. – Единственное, что я усвоил за свою короткую и несчастную жизнь, это не ожидать чего-то эдакого и относиться с большим подозрением к тому, что вроде бы подается на тарелочке.

Как бы в доказательство его слов неожиданный порыв ветра разорвал завесу тумана. Взору открылся серо-зеленый Олдерни. Как гранитный палец, выступал на тысячу ярдов старый волнорез адмиралтейства, и ясно были видны воен-

но-морские фортификации форта Альберта времен королевы Виктории.

Не более чем в ста пятидесяти ярдах от Штайнера и его людей с постоянной скоростью в восемь-десять узлов в северо-западном направлении двигался к выходу в открытый Ла-Манш «Джозеф Джонсон». Их могли заметить в любую секунду. Штайнер действовал мгновенно.

– Прямо вперед, выпустите торпеды на расстоянии пятидесяти ярдов и уходите, и без глупого лихачества, Лемке. Помни, что штрафной части медалей не дают. Только гробы.

Он увеличил скорость и ринулся вперед, сжавшись под куполом, так как волны начали перекатываться через голову. Он чувствовал, что Риттер Нойманн справа идет с ним рядом, но Лемке вырвался вперед и ушел ярдов на пятнадцать-двадцать.

– Глупый молодой говнюк, – ругнул его про себя Штайнер. – Он что, думает, это атака легкой кавалерии?

У двух человек, стоявших у поручней «Джозефа Джонсона», в руках были винтовки. Из рубки вышел офицер и начал стрелять из пулемета Томсона. Судно прибавило ходу и вошло в полосу легкого тумана, который начал опять сгущаться. Через несколько мгновений оно должно было исчезнуть. Стрелкам у поручней трудно было прицеливаться на качающейся палубе в цель, находящуюся очень низко у воды, и поэтому пули их разлетались далеко. Пулемет, и в хорошие времена не очень точный, сейчас стрелял не лучше и произ-

водил массу шума.

Лемке достиг пятидесятиярдной отметки значительно раньше других и продолжал двигаться. Штайнер не мог ему помешать. Стрелки на судне нащупали цель, пули отскакивали от тел торпед перед стеклянным куполом.

Штайнер обернулся и махнул Нойманну.

– Пошел! – крикнул он и выпустил торпеду.

Торпеда, на которой сидел Штайнер, освободившись от тяжести, прыгнула вперед с новой энергией, и он быстро положил право руля, следуя за Нойманном по широкой дуге, стараясь как можно быстрее оторваться от судна.

Лемке теперь тоже сворачивал, но не более чем в двадцати пяти ярдах от «Джозефа Джонсона», и стрелки на борту ожесточенно стреляли по нему. По-видимому, один из них попал в Лемке, хотя Штайнер и не был в этом уверен. Еще секунду назад Лемке сидел, скрючившись, верхом на торпедке, уходя от опасности, а в следующее мгновение его не было видно.

Секунду спустя одна из трех торпед взорвалась под кормой и трюмом, набитым сотнями тонн легко взрывающихся бомб, предназначенных для «летающих крепостей» Первой авиадивизии американского 8-го соединения ВВС в Англии. Поглощенный туманом, «Джозеф Джонсон» взорвался, и звук взрыва снова и снова повторяло эхо. Штайнер низко пригнулся, когда над ним прошла взрывная волна, и быстро свернул, чтобы увернуться от плюхнувшегося перед ним

в море огромного куска металла.

Сыпались обломки. Воздух был полон ими, и что-то нанесло Нойманну скользящий удар по голове. Он с криком взмахнул руками и свалился на спину в море, а торпеда, ринувшись в волну, исчезла.

Хотя Нойманн был без сознания и из жуткой глубокой раны на лбу текла кровь, он благодаря надувному жилету остался на поверхности моря. Штайнер притормозил около него, пропустил под жилет лейтенанта петлю из каната и двинулся дальше к волнорезу, торопясь из-за тумана, который снова окутывал остров.

Отлив становился все сильнее. Штайнер знал, что у него не было шансов добраться до гавани, но он продолжал бороться с отливом, который должен был в конце концов унести его в Ла-Манш безо всякой надежды на возвращение.

Вдруг он заметил, что Риттер Нойманн пришел в себя и смотрит на него.

– Отпустите меня! – еле слышно сказал Нойманн. – Отрежьте канат. Один вы дойдете.

Штайнер не ответил, сосредоточившись на повороте торпеды вправо. Он вспомнил, что где-то там, в непроницаемой подушке тумана, находился меньший остров. Появился шанс, что отлив может вынести на него. Слабый шанс, но все же лучше, чем ничего.

Штайнер спокойно спросил:

– Сколько мы пробыли вместе, Риттер?

– Вы сами прекрасно знаете, черт возьми, – ответил Риттер. – Впервые я увидел вас над Нарвиком, когда боялся прыгнуть с самолета.

– Теперь вспомнил, – сказал Штайнер. – Я как-то сумел убедить вас.

– Можно и так сказать, – согласился Риттер. – Вы вышвырнули меня.

Зубы у него стучали, он очень сильно замерз. Штайнер наклонился проверить конец.

– Да, сопливый восемнадцатилетний берлинец, только что из университета. Всегда с томиком стихов в кармане. Профессорский сынок, который прополз под огнем пятьдесят ярдов, чтобы принести мне индивидуальный пакет, когда меня ранило у канала Альберта.

– Мне надо было дать вам умереть, – мрачно сказал Риттер. – Посмотрите, во что вы меня втянули. Крит, присвоение офицерского звания, которое мне было ни к чему. Россия и теперь это. Выгодное дельце! – он закрыл глаза и тихо сказал. – Очень жаль, Курт, но все ни к чему.

Неожиданно их подхватил поток воды и понес к рифам у острова. Там застряло судно, вернее, его половина – все, что осталось от французского каботажного судна, налетевшего на рифы. Остатки кормовой палубы отлого спускались в воду. Подхваченный волной, Штайнер скатился с торпеды и ухватился одной рукой за поручни судна. Другой рукой он сжимал конец каната, привязанный к Нойманну.

Волна откатилась, потянув за собой торпеду. Штайнер встал. Он поднялся по наклонной палубе к остаткам рубки, уперся ногами в проеме сломанной двери и потянул за собой своего товарища. Рубка была без крыши. Начался мелкий дождик.

– Теперь что? – спросил Нойманн слабым голосом.

– Сидим крепко, – ответил Штайнер. – Как только туман рассеется, Брандт выйдет на поиски на спасательном судне.

– Сигаретка бы не помешала, – сказал Нойманн, но осекся и, оцепенев, указал на сломанную дверь. – Посмотрите!

Штайнер подошел к поручням. Вода, завихряясь и крутясь среди рифов и скал, несла с собой отбросы войны – плывущий ковер – все, что осталось от «Джозефа Джонсона».

– Значит, мы попали, – сказал Нойманн. Он попытался встать. – Курт, там внизу человек в желтом спасательном жилете. Поглядите, под кормой.

Штайнер скользнул в воду под корму, проталкиваясь среди обломков к человеку, который лежал на воде с откинутой назад головой и закрытыми глазами. Он был очень молод, светлые волосы прилипли к голове. Штайнер ухватил его за спасательный жилет и потащил к безопасному месту на разбитой корме. Открыв глаза, человек смотрел на него и, покачивая головой, пытался что-то сказать.

– Что такое? – спросил Штайнер по-английски.

– Пожалуйста, – прошептал юноша, – отпустите меня.

Глаза его закрылись снова, и Штайнер подплыл с ним к

корме. Нойманн, наблюдавший из рубки, увидел, что Штайнер потащил юношу по наклонной палубе, остановился, а затем мягко опустил в воду. Поток понес тело за риф. Штайнер тяжело поднялся на палубу.

– Что там было? – слабым голосом требовательно спросил Нойманн.

– Обе ноги оторваны до колен, – Штайнер осторожно сел и обхватил ногами поручни. – Какое стихотворение Элиота ты всегда повторял в Сталинграде? То, которое я не любил.

– Думаю, что мы в царстве крыс, – ответил Нойманн. – Там, где мертвые потеряли свои кости.

– Теперь я его понял, – сказал ему Штайнер. – Теперь я точно понял, что он хотел сказать.

Они сидели молча. Стало холоднее, дождь усилился, быстро рассеивая туман. Минут через двадцать они услышали невдалеке звук мотора. Штайнер вытащил из мешка на правой ноге маленький сигнальный пистолетик, зарядил его непромокаемым патроном и выстрелил красную ракету.

Некоторое время спустя из тумана выплыло спасательное судно, замедлило ход и подошло к ним. Обер-фельдфебель Брандт стоял на носу, держа наготове спасательный конец. Огромный, ростом намного больше шести футов, и очень широкий, Брандт несколько нелепо выглядел в желтом клеенчатом плаще с надписью на спине: «Королевское национальное управление спасательных лодок». Вся остальная команда состояла из людей Штайнера. На руле – унтер-офи-

цер Штурм, палубными матросами – унтер-офицер Бригель и рядовой Берг.

Брандт спрыгнул на наклонную палубу и зацепил конец за поручни. Штайнер и Нойманн соскользнули к нему.

– Вы взорвали судно, герр полковник. Что с Лемке?

– Как всегда, изображал героя, – ответил Штайнер. – На этот раз он зашел слишком далеко. Осторожно с лейтенантом Нойманном. У него большая рана на голове.

– Унтер-офицер Альтманн вышел на другом судне с Риделем и Мейером. Может, они найдут его следы. У него ведь дьявольское везенье, у этого парня, – Брандт с удивительной легкостью поднял Нойманна над поручнями. – Положите его в каюте.

Но Нойманн сел на палубе, прислонившись к поручням на корме. Штайнер присел рядом. Брандт дал им по сигарете. Судно двинулось. Штайнер чувствовал себя очень усталым, больше, чем когда-либо за долгие годы. Пять лет войны. Иногда казалось, что это не только все, что есть, но и что всегда было.

Спасатель обогнул адмиралтейский волнорез и прошел вдоль него около тысячи ярдов. В гавани было удивительно много судов, большей частью французских каботажных, доставивших с континента строительные материалы для новых укреплений, которые возводились по всему острову.

Маленький пирс был удлинен. Когда спасатель подошел, моряки на палубе прокричали «ура», а молодой бородатый

лейтенант в теплом свитере и просоленном капюшоне торжественно встал по стойке «смирно» и отдал честь.

– Отличная работа, герр полковник.

Штайнер отдал честь в ответ и перескочил через поручни.

– Огромное спасибо, Кениг.

Он пошел по лестнице на верхнюю площадку, за ним Брандт, сильной рукой поддерживая Нойманна. В это время на берегу большой черный лимузин старой модели свернул к пирсу и остановился. Из него выскочил шофер и открыл заднюю дверцу.

Первым из машины вышел человек, который в этот момент исполнял обязанности коменданта острова, Ганс Нойхофф, полковник артиллерии. Как и Штайнер, он был ветераном Зимней кампании, ранен под Ленинградом в грудь. Он так и не выздоровел – легкие его были сильно повреждены, и вылечить их было невозможно. Он смотрел отсутствующим взглядом человека, медленно умирающего и знающего это. За ним из машины вышла его жена.

Ильзе Нойхофф в то время было двадцать семь лет. Блондинка аристократического вида с широким, благородным ртом и красивыми скулами. Большинство людей поворачивались ей вслед не только потому, что она красива, но и потому, что лицо ее всем казалось знакомым. У нее была счастливая карьера киноактрисы не на первых ролях в ЮФА в Берлине. Она принадлежала к тем странным людям, которых все любят, и была очень популярна в берлинском обществе.

Ильзе вышла замуж за Ганса Нойхоффа по истинной привязанности, простиравшейся дальше сексуальной любви, к которой он был, кстати, больше не способен. Она выходила его и поставила на ноги после России, поддерживала его на каждом шагу и пустила в ход все свое влияние, чтобы добыть ему его нынешнюю должность, даже получила по протекции самого Геббельса пропуск, чтобы навещать его. Между ними существовало взаимопонимание – теплое и двустороннее, и именно благодаря этому она могла идти встречать Штайнера и поцеловать его открыто в щеку.

– Вы заставили нас поволноваться, Курт.

Нойхофф обменялся с ним рукопожатием, по-настоящему радуясь:

– Чудесная работа, Курт. Я сразу же сообщу в Берлин.

– Ради бога, не делайте этого, – сказал Штайнер с шуточной тревогой. – Они могут решить отправить меня обратно в Россию.

Ильзе взяла его под руку:

– Этого не было на картах, когда я в последний раз гадала вам, но если хотите, я сегодня снова посмотрю.

С нижнего пирса раздались крики приветствий. Все поспешили к краю и увидели, что подошло второе спасательное судно. На носовой палубе лежало тело, укрытое одеялом. Альтманн вышел из рубки.

– Герр подполковник? – воскликнул он, ожидая приказаний.

Штайнер кивнул, и Альтманн на мгновение приподнял одеяло. Нойманн подошел к Штайнеру и горько сказал:

– Лемке. Крит, Ленинград, Сталинград – все эти годы вместе, и вот как все кончается.

– Когда имя твое написано на пуле, ты ее и получаешь, – сказал Брандт.

Штайнер обернулся и взглянул на обеспокоенное лицо Ильзе Нойхофф:

– Бедная моя Ильзе, оставьте лучше ваши карты в коробке. Еще несколько дней, подобных этому, и дело будет не столько в том, что «будет», сколько в том «когда».

Он взял ее под руку, весело улыбаясь, и повел к машине.

* * *

В этот день у Канариса была встреча с Риббентропом и Геббельсом, и Радла он смог принять только в шесть часов. Отчет о суде над Штайнером так и не появился.

Без пяти шесть Хофер постучал и вошел в кабинет Радла.

– Пришли? – нетерпеливо спросил Радл.

– Боюсь, что нет, герр полковник.

– Ради бога, почему? – сердито спросил Радл.

– Похоже, что, поскольку случай касался жалобы со стороны СС, протоколы находятся на Принц-Альбрехтштрассе.

– Вы подготовили план, о котором я вас просил?

– Герр полковник, – Хофер передал ему аккуратно отпе-

чатанный листок.

Радл быстро просмотрел его.

– Отлично, Карл. Действительно отлично, – он улыбнулся и обтянул свою и так безукоризненно сидящую форму. – Ваше дежурство кончилось, верно?

– Я бы предпочел подождать, пока герр полковник вернется, – сказал Хофер.

Радл улыбнулся и похлопал его по плечу:

– Ладно, покончим с этим делом.

* * *

Ординарец подавал адмиралу кофе, когда вошел Радл.

– А, вот и вы, Макс, – весело сказал Канарис. – Присоединитесь?

– Благодарю вас, герр адмирал.

Ординарец налил еще одну чашку, поправил маскировочные шторы и вышел. Канарис вздохнул, поудобнее уселся в кресле и наклонился, чтобы потрепать уши одной из своих такс. Вид у него был усталый, в глазах и вокруг рта – следы перенапряжения.

– У вас утомленный вид, – сказал ему Радл.

– У вас тоже был бы, если бы вы совещались с Риббентропом и Геббельсом весь день. Эти двое становятся все невыносимее с каждой нашей встречей. По словам Геббельса, мы все еще побеждаем в войне, Макс. Было ли когда-нибудь что-

либо более абсурдное?

Радл просто не знал, что сказать, но его спас адмирал, который продолжал:

– Да, о чем вы хотели со мной поговорить?

Радл положил отпечатанный план Хофера на стол, и Канарис начал читать. Через некоторое время он поднял голову в явном замешательстве:

– Ради бога, что это?

– Анализ осуществимости, который вы просили, герр адмирал. Дело Черчилля. Вы просили меня что-нибудь изложить на бумаге.

– А, да, – теперь на лице адмирала было понимание, и он снова взглянул на листок. Минуту спустя он улыбнулся. – Да, очень хорошо, Макс. Совершеннейшая чушь, конечно, но на бумаге в ней своего рода сумасшедшая логика. Держите его под рукой на случай, если Гиммлер напомнит фюреру спросить меня, сделали ли мы что-нибудь по этому вопросу.

– Вы хотите сказать, что это все, герр адмирал? – спросил Радл. – Вы не хотите, чтобы я дальше занимался им?

Канарис открыл папку и теперь поднял голову с явным удивлением:

– Дорогой мой Макс, по-моему, вы не совсем поняли задание. Чем абсурднее идея, высказанная в этой игре вашим начальством, тем восторженнее вы должны принимать ее, какой бы ненормальной она ни была. Вложите весь свой энтузиазм – наигранный, конечно, – в проект. Через какое-то

время позвольте себе высказаться о трудностях, так что постепенно ваши хозяева сами обнаружат, что дело не идет. Поскольку никто не любит связываться с заведомым провалом, то, если его можно избежать, весь проект будет тихо похоронен, – он засмеялся и постучал пальцем по листку с планом. – Имейте в виду, что даже фюреру понадобится очень большое воображение, чтобы увидеть какие-то возможности в такой сумасшедшей эскападе, как эта.

Радл неожиданно для себя сказал:

– Это осуществимо, герр адмирал. У меня даже есть хорошая кандидатура на главную роль.

– Я уверен, что у вас есть. Макс, даже если вы работали над заданием с половинной тщательностью, чем обычно, – он улыбнулся и отодвинул от себя листок. – Я вижу, что вы приняли все дело слишком серьезно. Возможно, мои замечания о Гиммлере обеспокоили вас. Не стоит беспокоиться, поверьте мне. Я умею с ним справляться. У вас достаточно написано, чтобы удовлетворить его, если возникнет необходимость. Есть масса других вещей, которыми вы можете сейчас заняться, – действительно важных.

Он кивнул на прощание и взял ручку. Радл упрямо сказал:

– Но, герр адмирал, если фюрер желает...

Канарис сердито взорвался, бросив на стол ручку:

– Господи, боже мой, парень, убивать Черчилля, когда мы уже проиграли войну? Чем это может помочь?

Он вскочил и оперся обеими руками на стол. Радл стоял

неподвижно по стойке «смирно», тупо глядя в пространство над головой адмирала. Канарис, вспыхнув, понял, что зашел слишком далеко, что его сердитые слова можно было считать государственной изменой и что было слишком поздно брать их обратно.

– Вольно, – скомандовал он. Радл выполнил приказ. – Герр адмирал.

– Мы давно знаем друг друга, Макс.

– Да, герр адмирал.

– Поэтому доверьтесь мне. Я знаю, что делаю.

– Очень хорошо, герр адмирал, – твердо сказал Радл.

Он отступил, щелкнул каблуками, повернулся и вышел. Канарис оперся руками на стол. Вид у него вдруг стал измученный и старый.

– Господи, – прошептал адмирал, – когда уж конец?

Канарис взял кофе, и при этом рука его так дрожала, что чашка застучала по блюдцу.

* * *

Когда Радл вошел в кабинет, Хофер приводил в порядок бумаги на столе. Сержант нетерпеливо обернулся и увидел выражение лица Радла.

– Адмиралу не понравилось, герр полковник?

– Он сказал, что в этом есть какая-то сумасшедшая логика, Карл. Но он нашел этот план весьма забавным.

– Дальше что, герр полковник?

– А ничего, Карл, – устало сказал Радл и сел за стол. – Он на бумаге, этот анализ осуществимости, который им был нужен и который они, возможно, и не затребуют. Это все, что от нас требовалось. Мы займемся чем-нибудь другим.

Радл взял одну из русских папирос, Хофер поднес ему зажигалку.

– Принести вам что-нибудь, герр полковник? – спросил он, и в голосе его было сочувствие, но осторожно выраженное.

– Нет, благодарю, Карл. Ступайте домой. Увидимся утром.

– Герр полковник, – Хофер щелкнул каблуками, но замешкался.

Радл сказал:

– Ступайте, Карл, вы молодец, благодарю вас.

Хофер вышел. Радл провел рукой по лицу. Пустая глазница горела, отрезанная рука болела. Иногда он чувствовал, что когда его собирали врачи, они неправильно завели его. Поразительно, до чего он был разочарован. Просто испытывал чувство настоящей личной потери.

– Может, это и к лучшему, – тихо сказал он. – Я начал относиться к этому проклятому делу слишком серьезно.

Он сел, открыл папку с донесениями Джоанны Грей и принялся читать. Затем начал разворачивать военно-топографическую карту, но остановился. Хватит с него на сего-

дня этого малюсенького кабинета, хватит с него абвера. Из-под стола он вытащил портфель, сунул туда папки и карту, снял с вешалки за дверью свое кожаное пальто.

Для налета англичан было еще слишком рано, и когда он вышел из главного подъезда, город казался неестественно тихим. Радл решил воспользоваться кратковременной тишиной и пройти пешком домой в свою маленькую квартиру, вместо того чтобы вызывать служебную машину. Голова у него раскалывалась, и моросивший легкий дождик был по-настоящему освежающим. Он сошел с крыльца, ответил на приветствие часового и прошел под затемненным фонарем у входа. Где-то невдалеке на улице тронулась машина и остановилась возле него.

Это был черный закрытый «мерседес», такой же черный, как форма двух эсэсовцев, которые вышли из машины и ждали. Когда Радл увидел род войск того из них, кто стоял ближе к нему, сердце его замерло: сотрудник личного штата рейхсфюрера СС Гиммлера.

На молодом человеке была шляпа с опущенными полями и черное кожаное пальто. В улыбке – какое-то беспощадное очарование, свойственное лишь абсолютно неискренним людям.

– Полковник Радл? Так рад, что мы застали вас. Рейхсфюрер свидетельствует свое почтение. Если бы вы нашли удобным для себя уделить ему немного времени, он был бы вам благодарен, – молодой человек ловко взял портфель из руки

Радла. – Разрешите мне его нести.

Радл облизал сухие губы и с трудом улыбнулся:

– Конечно же, – сказал он и сел на заднее сиденье «мерседеса».

Молодой человек сел рядом, второй – впереди, и они поехали. Радл заметил, что тот, который не вел машину, держал на коленях пулемет Эрма. Он глубоко вздохнул, чтобы справиться со страхом, поднимавшимся внутри.

– Сигарету, герр полковник?

– Благодарю, – сказал Радл. – Кстати, куда мы едем?

– На Принц-Альбрехтштрассе, – молодой человек поднес ему огонь и улыбнулся. – В штаб гестапо.

Глава 4

Когда Радла ввели в кабинет на втором этаже, он увидел Гиммлера, сидевшего за большим письменным столом, на котором лежала стопка папок. На нем была полная форма рейхсфюрера СС – настоящий дьявол в черном при приглушенном свете, а когда он поднял голову, его взгляд за серебряным пенсне был холодным и бесстрастным.

Молодой человек в черном кожаном пальто отдал нацистское приветствие и поставил портфель на стол.

– По вашему приказанию, рейхсфюрер.

– Благодарю, Россман, – ответил Гиммлер. – Подождите в приемной. Вы мне можете понадобиться.

Россман вышел. Радл ждал, пока Гиммлер очень аккуратно складывал папки на одной стороне стола, как бы расчищая место для боя. Гиммлер подвинул к себе портфель и задумчиво посмотрел на него. Как ни странно, но к Радлу вернулось присутствие духа и черный юмор, который спасал его во многих случаях.

– Даже приговоренный к смерти имеет право на последнюю сигарету, рейхсфюрер.

Гиммлер широко улыбнулся, что было для него необычно, учитывая, как часто он высказывал отвращение к табаку.

– Почему бы нет? – он махнул рукой. – Мне говорили, что вы храбрец, герр полковник. Вы заслужили свой «Рыцарский

крест» во время Зимней кампании?

– Точно, рейхсфюрер, – Радл вытащил одной рукой свой портсигар и ловко открыл его.

– И с тех пор работаете у адмирала Канариса?

Радл ждал, куря папиросу и пытаясь растянуть ее. Гиммлер снова уставился на его портфель. В полутьме комната выглядела очень приятно. В камине ярко горел огонь, над ним в золотой раме был портрет фюрера с дарственной надписью. Гиммлер сказал:

– Не многое происходит на Тирпиц-Уфер в эти дни, о чем бы я не знал. Это вас удивляет? Например, я знаю, что двадцать второго числа сего месяца вам показали очередное донесение агента абвера в Англии, некоей миссис Джоанны Грей, в котором фигурировало магическое имя Уинстона Черчилля.

– Рейхсфюрер, не знаю, что и сказать, – проговорил Радл.

– И что еще более интересно, вы приказали перевести весь ее архив из первого отдела к вам и освободили капитана Мейера, который на протяжении многих лет держал связь с этой леди, от его обязанностей, – Гиммлер положил руку на портфель. – Послушайте, герр полковник, мы вышли из того возраста, когда играют в игры. Вы знаете, о чем я говорю. Итак, что вы можете рассказать мне?

Макс Радл был реалистом и понимал, что выбора у него не было. Он сказал:

– В портфеле рейхсфюрер найдет все, что можно узнать,

кроме одной вещи.

– Протокола суда военного трибунала над подполковником Куртом Штайнером из парашютного полка? – Гиммлер взял верхнюю папку из стопки на столе и передал ее Радлу. – Справедливый обмен. Предлагаю вам прочесть это в другой комнате, – он открыл портфель и начал вынимать содержимое. – Я пришлю за вами, когда вы понадобитсяеь.

Радл поднял было руку, но последние остатки собственного достоинства превратили это движение в четкое, хотя и обычное приветствие. Он повернулся кругом, открыл дверь и вышел в приемную.

Россман, развалившись в кресле, читал журнал вермахта «Сигнал». Он удивленно посмотрел на Радла:

– Уже уходите?

– Настолько не повезло, – Радл бросил папку на низкий журнальный столик и начал расстегивать ремень. – Похоже, мне придется кое-что почитать.

Россман дружески улыбнулся:

– Посмотрю, может, раздобуду нам кофе. Мне кажется, что вы у нас пробудете довольно долго.

Он вышел. Радл закурил папиросу, сел и начал читать.

* * *

Окончательное уничтожение варшавского гетто и сравнение его с землей было назначено на 19 апреля. День рож-

дения Гитлера был 20-го, и Гиммлер надеялся, что эта добрая весть будет хорошим подарком. К сожалению, когда командующий операцией оберфюрер СС фон Заммерн-Франкенегг и его люди вошли в гетто, их выгнала оттуда еврейская боевая дружина под командованием Мордухая Аниелевича.

Гиммлер немедленно сместил командующего и назначил бригадефюрера СС, генерал-майора полиции Юргена Штропа, который, объединив усилия СС и предателей польской и украинской национальностей, серьезно взялся за дело, поставив целью не оставить камня на камне и ни одного живого еврея. И все для того лишь, чтобы лично отрапортовать Гиммлеру, что варшавского гетто больше не существует. На выполнение этой задачи ему потребовалось двадцать восемь дней.

Штайнер со своими людьми прибыл в Варшаву утром тринадцатого дня на санитарном поезде, направлявшемся в Берлин с ранеными на Восточном фронте. В Варшаве пришлось задержаться на час-два, в зависимости от того, сколько времени потребуется для ремонта вышедшей из строя системы охлаждения паровоза, и по всему составу объявили в мегафон приказ, что выходить за пределы станции запрещается. Чтобы обеспечить исполнение приказа, у выходов поставили посты полевой жандармерии.

Большинство людей Штайнера оставались в вагонах, но сам он вышел размяться. Риттер Нойманн присоединился к

нему. Сапоги Штайнера прохудились до дыр, его кожаная куртка решительно видела лучшие дни. На нем было грязное белое кашне и пилотка такого образца, который можно было встретить среди унтер-офицеров, но отнюдь не офицеров.

Жандарм, охранявший главный вход, преградил им винтовкой путь и грубо сказал:

– Приказ слышали? Назад!

– Похоже, они держат нас под присмотром по какой-то причине, герр полковник, – сказал Нойманн.

У жандарма отвалилась челюсть, и он быстро встал по стойке «смирно».

– Прошу прощения у герра полковника. Я не разобрался.

Сразу раздались быстрые шаги, и грубый голос потребовал:

– Шульц, что тут происходит?

Штайнер и Нойманн не обратили на него внимания и пошли дальше. Над городом висел черный дым, вдалеке гремела артиллерия и раздавались звуки стрельбы. Рука на плече Штайнера крутанула его, и он оказался лицом к лицу с майором безукоризненно сидящей форме. На его шее висел на цепи медный горжет полевой жандармерии. Штайнер вздохнул и сдвинул белый шарф, выставив не только петлицы, по которым был виден его чин, но и «Рыцарский крест» с «Дубовыми листьями».

– Штайнер, – представился он. – Парашютный полк.

Майор вежливо взял под козырек, но только потому, что

пришлось это сделать.

– Прошу прощения, герр полковник, но приказ есть приказ.

– Ваша фамилия? – потребовал Штайнер.

Несмотря на ленивую улыбку, в его голосе зазвучал металл, который намекал на возможность неприятностей.

– Отто Франк, герр полковник.

– Хорошо, теперь, когда мы познакомились, не будете ли вы так добры точно объяснить, что здесь происходит? Я-то думал, что польская армия сдалась в тридцать девятом году.

– Считают с лица земли варшавское гетто, – сказал Франк.

– Кто?

– Войска специального назначения, СС и различные другие группы под командованием бригадефюрера Юргена Штроопа. Еврейские бандиты, герр полковник, дерутся за каждый дом, в подвалах, в канализационных трубах вот уже тринадцать дней. Пришлось выкуривать их огнем. Лучший способ уничтожения вшей.

Получив отпуск после ранения под Ленинградом, Штайнер навестил своего отца во Франции и нашел его сильно изменившимся. У генерала давно возникли сомнения в отношении нового порядка. Шесть месяцев назад он посетил концентрационный лагерь Освенцим в Польше.

– Командовал лагерем боров по имени Рудольф Гесс, Курт. Не поверишь, убийца, отбывавший пожизненное заключение и выпущенный с каторги по амнистии в 1928 г. Он

тысячами убивал евреев в специально построенных газовых камерах, уничтожал тела в огромных печах. Но после того, как из тела выдернут такие мелочи, как золотые зубы и тому подобное.

Рассказывая, старый генерал напился и все же не был пьян.

– Неужели мы за это боремся, Курт? Чтобы защитить свиней вроде Гесса? А что скажет весь мир, когда наступит время расплаты? Что мы все виноваты? Что Германия виновата, потому что мы при этом присутствовали? Порядочные и благородные люди присутствовали и ничего не делали? Но не я, клянусь богом. Я не мог бы жить с собой в мире.

Воспоминания отразились на лице Курта Штайнера, и, видя выражение его лица, майор отошел в сторону.

– Так-то лучше, – сказал Штайнер, – и если бы вы могли при этом улетучиться, я был бы премного обязан.

Удивление в глазах майора Франка быстро сменилось гневом, когда Штайнер в сопровождении Нойманна прошел мимо него.

– Полегче, герр полковник, полегче, – сказал Нойманн.

На платформе по другую сторону линии эсэсовцы ставили к стене группу оборванных и грязных людей. Невозможно было разобрать, мужчины это или женщины. По приказу они начали раздеваться.

На краю платформы за ними наблюдал полевой жандарм. Штайнер спросил:

– Что там происходит?

– Евреи, герр полковник, – ответил тот. – Урожай сегод-
няшнего утра из гетто. Их отправят в Трешлинку, чтобы
прикончить сегодня же, попозже. Их заставляют раздеваться
перед обыском главным образом из-за женщин. У некоторых
в трусах заряженные пистолеты.

Раздался грубый смех эсэсовцев, и кто-то закричал от бо-
ли. Штайнер с отвращением повернулся к Нойманну и уви-
дел, что лейтенант смотрит в конец воинского эшелона. Мо-
лоденькая девушка лет четырнадцати или пятнадцати с рас-
трепанными волосами и черным от сажи лицом, в подрезан-
ном мужском пальто, подпоясанном веревкой, скрючилась
под вагоном. Она, по-видимому, выскользнула из группы за-
держанных и намеревалась вырваться на свободу, пристро-
ившись под вагоном санитарного поезда.

Жандарм ее тоже заметил. Он поднял тревогу, спрыгнул
на рельсы и схватил девушку. Она завизжала, вырвалась из
его рук, взобралась на платформу и побежала к выходу, пря-
мо в руки майора полиции Франка.

Он схватил ее за волосы и встряхнул, как крысу:

– Грязная еврейская сучка. Я научу тебя, как себя вести.
Штайнер бросился вперед.

– Не надо, герр полковник! – воскликнул Нойманн, но бы-
ло уже поздно.

Штайнер крепко ухватил Франка за воротник, дернув так
что майор едва не упал, схватил девушку за руку и спрятал

за спиной.

Майор Франк встал, лицо его дергалось от ярости. Рука потянулась к «вальтеру» в кобуре на поясе, но Штайнер выхватил из кармана своего кожаного пальто автоматический пистолет и ткнул им в переносицу майора.

— Одно движение, и я разmozжу вам голову, — сказал он. — Если вдуматься, так я облагодетельствую человечество.

Подбежало не меньше дюжины жандармов, вооруженных автоматами и винтовками. Встали полукругом в трех-четыре-х ярдах. Высокий унтер-офицер направил на Штайнера автомат, но Штайнер крепко держал Франка за шиворот, вдавив в него дуло пистолета.

— Я бы не советовал.

В это время через станцию проходил со скоростью пять-шесть миль в час паровоз с открытыми платформами, груженными углем. Штайнер спросил у девушки, не оборачиваясь:

— Как тебя зовут, детка?

— Брана, — ответила она. — Брана Леземникова.

— Ну, Брана, — сказал он, — если ты хоть наполовину такая девчонка, как я о тебе думаю, ты ухватишься за одну из этих угольных платформ и не отпустишь, пока не выберешься отсюда. Вот все, что я могу для тебя сделать, — Брана мгновенно вскочила, а Штайнер повысил голос. — Тот, кто выстрелит в девчонку, выстрелит и в майора.

Девушка подскочила к платформе, уцепилась и подтяну-

лась. Поезд все дальше уходил от станции. Стало тихо.

Франк процедил:

– Ее снимут на первой же станции. Я об этом лично позабочусь.

Штайнер оттолкнул его и спрятал в карман пистолет. Жандармы сразу же подступились к ним, но Риттер Нойманн воскликнул:

– Не сегодня, джентльмены!

Штайнер обернулся. В руках лейтенанта он увидел пулемет-пистолет МР-40. За Нойманном стояли их люди, вооруженные до зубов.

В этот момент могло произойти все, что угодно, если бы не неожиданная суматоха у главного входа. Ворвалась группа эсэсовцев, держа ружья наизготове. Они построились буквой V, минуту спустя появился бригадефюрер СС и генерал-майор полиции Юрген Штрооп, а с ним три или четыре офицера СС разных чинов – все вооруженные. На Штроопе, удивительно непривлекательном с виду, была полевая фуражка и боевая форма.

– Что происходит, Франк?

– Спросите его, бригадефюрер, – сказал Франк с перекошенным от ярости лицом. – Этот человек, офицер германской армии, только что дал возможность сбежать еврейской террористке.

Штрооп оглядел Штайнера, обратив внимание на знаки различия и «Рыцарский крест» с «Дубовыми листьями».

– Вы кто такой? – потребовал он.

– Курт Штайнер, парашютный полк, – ответил Штайнер. –

А кем бы вы могли быть?

Не было случая, чтобы Юрген Штрооп вышел из себя. Он спокойно ответил:

– Со мной так разговаривать нельзя, герр полковник. Я генерал-майор, как вы прекрасно знаете.

– И мой отец тоже, – сказал ему Штайнер, – поэтому на меня ваш чин не производит особого впечатления. Тем не менее, – раз вы подняли этот вопрос, – вы бригадефюрер Штрооп, человек, руководящий вон тем побоищем?

– Да, я здесь командующий.

Штайнер сморщил нос:

– Я так и думал. Знаете, кого вы мне напоминаете?

– Нет, герр полковник, – сказал Штрооп. – Скажите, прошу вас.

– То, что иногда прилипает к сапогу в канаве, – отрезал Штайнер. – Очень неприятно в жаркий день.

Юрген Штрооп, сохраняя ледяное спокойствие, протянул руку. Штайнер вздохнул, вытащил из кармана пистолет и отдал его. Через плечо он посмотрел на своих людей:

– Вот так, ребята, опустите оружие, – и снова обернулся к Штроопу. – По какой-то непонятной причине они мне преданы. Есть ли какой-либо шанс удовлетвориться мною и не придавать значения их роли в этом деле?

– Ни малейшего, – резко ответил бригадефюрер Юрген

Штрооп.

– Я так и думал, – сказал Штайнер. – Горжусь тем, что сразу же различаю законченного негодяя, когда он мне попадается.

* * *

Радл долго сидел с папкой на коленях после того, как кончил читать протокол суда военного трибунала. Штайнеру повезло, его не расстреляли, возможно, ему помогло влияние отца, – ведь все-таки и он, и его люди были героями войны. Расстрел кавалера ордена «Рыцарский крест» с «Дубовыми листьями» мог плохо сказаться на моральном духе армии. А операция «Рыба-меч» на Нормандских островах, в конце концов, была верным способом от всех них отделаться. Гениальная мысль, пришедшая кому-то в голову.

Россман развалился в кресле напротив. Он, видимо, спал, и черная шляпа с опущенными полями съехала ему на глаза, но когда над дверью мелькнул свет, он вскочил на ноги. Вошел без стука и через мгновение вернулся.

– Вас зовет.

Рейхсфюрер все еще сидел за столом. Теперь перед ним была разложена военно-топографическая карта. Он поднял голову:

– Как вам понравилась веселая проделка Штайнера в Варшаве?

– Поразительная история, – осторожно заметил Радл. – Не... неординарный человек.

– Я бы сказал, один из храбрейших, кого когда-либо встретишь, – спокойно сказал Гиммлер. – Одаренный высоким интеллектом, отважный, безжалостный, блестящий солдат – и романтический дурак. Я думаю, что в нем говорит его американская половина, – Рейхсфюрер покачал головой. – «Рыцарский крест» с «Дубовыми листьями». После Русской кампании фюрер захотел лично с ним встретиться. А он что делает? Отбрасывает все: карьеру, будущее, – все ради какой-то еврейской сучки, которую он в жизни до этого в глаза не видел.

Он посмотрел на Радла, как будто ждал ответа, и Радл неуверенно сказал:

– Поразительно, рейхсфюрер.

Гиммлер кивнул, а затем, как будто полностью отбросив эту тему, потер руки и наклонился над картой.

– Донесения Грей действительно великолепны. Выдающийся агент. Получится?

– Думаю, что да, – без колебания ответил Радл.

– А адмирал? Что думает адмирал?

Мысли в голове у Радла завертелись, пока он пытался сформулировать подходящий ответ:

– На этот вопрос ответить трудно.

Гиммлер откинулся в кресле, скрестив руки. На мгновение Радлу показалось, что он стоит в коротких штанишках

перед своим старым сельским учителем. Дикость какая-то.

– Можете не говорить, я догадываюсь. Ценю преданность, но в данном случае вы бы лучше помнили, что на первом плане – преданность Германии, фюреру.

– Естественно, рейхсфюрер, – поспешно сказал Радл.

– К сожалению, есть такие, кто с этим не согласен, – продолжал Гиммлер. – Подрывные элементы на всех уровнях в обществе. Даже среди генералов верховного командования. Это вас удивляет?

Радл, пораженный до глубины души, сказал:

– Рейхсфюрер, не могу поверить...

– Что люди, присягнувшие на личную преданность фюреру, могут вести себя так подло? – он с легкой грустью покачал головой. – У меня есть все основания считать, что в марте этого года офицеры вермахта в высоких чинах подложили в самолет фюрера бомбу, которая должна была взорваться в полете из Смоленска в Растенбург.

– Господи боже мой, – пробормотал Радл.

– Бомба не взорвалась, ее убрали люди, которые были связаны с этим покушением. Конечно, начинаешь острее, чем когда-либо, понимать, что мы не можем проиграть, что окончательная победа должна быть за нами. Совершенно очевидно, что фюрера спасло вмешательство божественных сил. И это меня ничуть не удивляет. Я всегда верил, что за кулисами природы есть какое-то высшее существо. Вы согласны?

– Конечно, рейхсфюрер, – ответил Радл.

– Да, если бы мы отказались признать это, то были бы не лучше марксистов. Я утверждаю, что все эсэсовцы верят в бога, – он на минутку снял пенсне и нежно погладил пальцем переносицу. – Итак, повсюду предатели. И в армии, и на флоте, на самом высоком уровне, – надев пенсне, он посмотрел на Радла. – Так что, вы видите, Радл, у меня самые убедительные основания для уверенности в том, что адмирал Канарис должен был наложить вето на ваш проект.

Радл тупо уставился на него. Кровь у него похолодела. Гиммлер мягко продолжал:

– Это бы не совпадало с его главной задачей, и задача эта – вовсе не победа германского рейха в войне, уверяю вас.

Чтобы глава абвера действовал против государства? Чудовищная мысль. Но тут Радл вспомнил колкие слова адмирала. Его уничижительные замечания о высокопоставленных государственных деятелях, а по временам – и о самом фюрере. Его сегодняшняя реакция. Мы проиграли войну. И это – от главы абвера!

Гиммлер нажал кнопку звонка. Вошел Россман.

– У меня будет важный телефонный разговор. Проведите герра полковника по нашим владениям, минут десять, и приведите обратно, – он обернулся к Радлу. – Вы ведь не видели наших подвалов?

– Нет, рейхсфюрер.

Радл мог бы добавить, что гестаповские подвалы на Принц-Альбрехтштрассе были последним местом на земле,

которое бы ему хотелось посмотреть. Но он знал, что посмотреть их придется, хочет он этого или нет, знал по легкой улыбке, игравшей на губах Россмана, что все было заранее подстроено.

* * *

На первом этаже они прошли по коридору, который вел в глубину здания. В его конце находилась железная дверь, охраняемая двумя эсэсовцами в стальных шлемах и с пистолетами-пулеметами.

– Вы что, ждете войны или чего-нибудь в этом роде? – спросил Радл.

Россман ухмыльнулся:

– Скажем, чтобы произвести впечатление на клиентов.

Дверь отперли, и первым спустился Радл. Коридор внизу был ярко освещен, кирпичные стены окрашены в белый цвет, двери открывались направо и налево. Было поразительно тихо.

– Можно начать и отсюда, – сказал Россман, открыл ближайшую дверь и зажег свет.

Это был достаточно тривиальный подвал, окрашенный в белый цвет, за исключением одной стены, производившей удивительно грубое впечатление, так как поверхность была неровной и покрытой множеством пятен. Около стены по потолку проходила балка, с которой свешивались цепи с пру-

жинными стременами на конце.

– Вещь, которая применяется в последнее время очень успешно, – Россман вытащил из кармана пачку сигарет и предложил одну Радлу. – Лично я считаю это сооружение никчемным. Ну зачем доводить человека до сумасшествия, если вы хотите, чтобы он заговорил?

– А что происходит?

– Подозреваемого подвешивают на стременах и включают ток. Чтобы ток проходил сильнее, на стену льют ведрами воду. Поразительно, что это делает с людьми. Если вы ближе присмотритесь, то поймете, что я имею в виду.

Радл подошел к стене и увидел: то, что он принимал за грубую поверхность, на самом деле было слоями засохшей человеческой кожи, оставшейся на бетоне в тех местах, где жертвы пытались ползти по нему, терзаемые мучительной болью.

– Инквизиция гордилась бы вами.

– Не будьте саркастичным, герр полковник, здесь это опасно. Я видел здесь генералов на коленях, умолявших о пощаде, – Россман весело улыбнулся. – Но ее нет ни здесь, ни там, – он пошел к двери. – Что теперь вам показать?

– Ничего, благодарю вас, – ответил Радл. – Вы мне все разъяснили, разве не это было целью мероприятия? Можете вести меня обратно.

– Как скажете, герр полковник, – Россман пожал плечами и погасил свет.

Когда Радл вернулся в кабинет, Гиммлер что-то энергично писал. Он поднял голову и спокойно сказал:

– Страшные вещи приходится делать. Лично мне просто делается дурно, не выношу никакого насилия. Проклятие величия в том, герр полковник, что оно должно перешагивать через трупы, чтобы создать новую жизнь.

– Рейхсфюрер, – сказал Радл, – что вам нужно от меня?

Гиммлер слегка улыбнулся, умудряясь при этом выглядеть еще более зловеще.

– Все очень просто. То самое дело Черчилля. Я хочу, чтобы его довели до конца.

– Но адмирал не хочет.

– У вас большая автономия, верно? Сами ведете свои дела? Много ездите? За последние две недели Мюнхен, Париж, Антверпен? – Гиммлер пожал плечами. – Не вижу причины, почему бы вам не заняться этим без ведома адмирала. Большую часть того, что надо сделать, можно сочетать с другой работой.

– Но почему, рейхсфюрер, почему так важно делать это таким путем?

– Потому, во-первых, что я считаю адмирала в этом деле абсолютно неправым. Ваш план можно было бы осуществить, если все пойдет гладко – так, как у Скорцени в Гран

Сассо. Если все удастся, если Черчилль будет убит или похищен, — а лично я предпочел бы видеть его мертвым, — это будет сенсация на весь мир. Невероятный подвиг оружия.

— То есть если бы все шло, как того хочет адмирал, то не произошло бы сенсации, — сказал Радл. — Теперь я понял. Еще один гвоздь в его гроб?

— Согласитесь, что при данных обстоятельствах он его заслужил.

— Что можно сказать?

— Можно ли таким людям спускать? Именно этого вы хотите, Радл, как преданный германский офицер?

— Но рейхсфюрер должен понять, в какое невозможное положение он ставит меня, — сказал Радл. — Мои отношения с адмиралом всегда были отличными. — Слишком поздно Радлу пришло в голову, что едва ли при сложившихся обстоятельствах стоит напирать на это, — и он торопливо добавил. — Естественно, моя личная преданность не вызывает сомнений, но на какой авторитет мне придется опираться, чтобы осуществить этот проект?

Из ящика стола Гиммлер достал тяжелый конверт из манильской бумаги. Он открыл его и вынул письмо, которое передал Радлу, не говоря ни слова. Письмо было напечатано на гербовой бумаге с германским орлом и золотым «Железным крестом».

*«От руководителя и канцлера государства
Совершенно секретно»*

Полковник Радл действует по моему прямому личному приказу в деле чрезвычайной важности для рейха. Он подотчетен только мне. Весь персонал, военный и гражданский, без различия ранга должен помогать ему так, как он найдет нужным.

Адольф Гитлер».

Радл был потрясен. Это был самый невероятный документ, какой он когда-либо держал в руках. Таким ключом человек мог открыть любую дверь в стране, не получив ни в чем отказа. По телу его побежали мурашки, и прошла странная дрожь.

– Как видите, всякий, кто пожелает подвергнуть этот документ сомнению, должен быть готов вступить в контакт с самим фюрером, – Гиммлер быстро потер руки. – Итак, все решено. Вы готовы взять на себя обязанность, которую фюрер на вас налагает?

И впрямь ничего не оставалось, кроме как сказать очевидное:

– Конечно, рейхсфюрер.

– Хорошо, – Гиммлер явно был доволен. – Тогда к делу. Вы правы, когда думаете о Штайнере. Самый подходящий человек для этого дела. Предлагаю вам без промедления поехать и познакомиться с ним.

– Мне кажется, – осторожно сказал Радл, – что в свете недавней истории он может не заинтересоваться таким назначением.

– Выбора у него не будет, – сказал Гиммлер. – Четыре дня назад арестован его отец по подозрению в государственной измене.

– Генерал Штайнер? – удивленно спросил Радл.

– Да, старый дурак, похоже, связался с совершенно неподходящими людьми. В данный момент его везут в Берлин.

– На... на Принц-Альбрехтштрассе?

– Ну конечно. Можете сказать Штайнеру, что послужить рейху любым способом в данный момент будет не только в его интересах. Такое проявление преданности может оказать благоприятное воздействие на решение дела его отца, – Радл искренне был в ужасе. Гиммлер продолжал. – Теперь несколько фактов. Мне хотелось бы, чтобы вы поподробнее остановились на вопросе о переодевании, который вы упоминаете в своем плане. Это меня интересует.

У Радла зародилось чувство полной нереальности. Никто не был в безопасности – никто. Он знал людей, целые семьи, исчезнувшие после визита гестапо. Он подумал о жене Труди, о трех любимых дочерях, и та же неистовая отвага, которая провела его сквозь Зимнюю кампанию, пронизала его снова. «Ради них, – подумал он, – я должен выжить, ради них. Что бы для этого ни потребовалось, все».

Он начал говорить, поражаясь спокойствию своего голоса:

– Как известно рейхсфюреру, у англичан много десантно-диверсионных полков, так называемых «коммандос», но, возможно, одной из самых успешных была часть, создан-

ная английским офицером Стирлингом, которая действовала в тылу нашего фронта в Африке. Специальная воздушная служба.

– А, да, этого человека они называли призрачным майором. Тот самый, которого так высоко ценил Роммель.

– Его захватили в плен в январе этого года, рейхсфюрер. По-моему, он сейчас в Колдице, но дело, которое он начал, не только продолжается, но и расширяется. Судя по нашей последней информации, в Англию вскоре должны возвратиться Первый и Второй полки Специальных военно-воздушных сил, а также Третий и Четвертый французские парашютные батальоны. У них даже есть польская Независимая парашютная эскадрилья.

– К чему вы все это ведете?

– Армия мало знает об этих частях. Считается, что их задачи секретные, поэтому мало вероятности, что кто-либо будет к ним придирааться.

– Вы хотите выдать наших людей за поляков из этой части?

– Так точно, рейхсфюрер.

– А форма?

– Большинство из них в боевых условиях носят маскировочные халаты и брюки, похожие на эсэсовские, и красный берет английских парашютистов с особым значком – кинжал с крыльями и надписью: «Кто дерзает – побеждает».

– Ах, как драматично, – сухо заметил Гиммлер.

– У абвера большой запас обмундирования, принадлежавшего пленным, захваченным во время операций СВС на греческих островах, в Югославии и Албании.

– А снаряжение?

– Без проблем. Английский штаб Специальных операций до сих пор не осознал, до какой степени мы просочились в голландское движение Сопротивления.

– Террористическое движение, – поправил его Гиммлер. – Но продолжайте.

– Почти каждую ночь сбрасываются новые партии оружия, снаряжения для саботажа, радио для использования в полевых условиях, даже деньги. Но в штабе до сих пор не поняли, что все радиogramмы, которые они получают, идут от абвера.

– Господи, – сказал Гиммлер. – И мы все еще продолжаем проигрывать войну, – он встал, подошел к камину и погрел руки. – Переодевание в форму врага – вопрос весьма деликатный, оно запрещено Женевской конвенцией. Расплата одна – расстрел.

– Точно, рейхсфюрер.

– Тут, мне кажется, надо идти на компромисс. На десанниках под английской маскировочной формой будет обычная форма немецких солдат. Таким образом, сражаться они будут как немецкие солдаты, а не как гангстеры. Перед самым боем они могли бы сбросить свой маскарад. Согласны?

Лично Радлу идея эта показалась самой худшей из всего,

что он когда-либо слышал, но он понимал, что спорить бесполезно.

– Как прикажете, рейхсфюрер.

– Хорошо. Все остальное мне представляется делом организации. Люфтваффе и военные корабли для перевозки. Здесь все просто. Директива фюрера откроет вам все двери. Есть еще что-нибудь, о чем бы вы хотели со мной поговорить?

– В отношении самого Черчилля, – сказал Радл. – Его брат живым?

– Если удастся, – сказал Гиммлер. – Мертвым, если по-другому не получится.

– Понятно.

– Хорошо, значит, я могу спокойно оставить дело в ваших руках. Россман даст вам особый номер телефона. Я хочу ежедневно знать о ходе дела, – он положил донесения и карту в портфель и придвинул его Радлу.

– Как прикажете, рейхсфюрер.

Радл сложил бесценное письмо, положил его обратно в конверт и сунул в карман мундира. Взял портфель, свое кожаное пальто и пошел к двери.

Гиммлер, который было снова стал писать, позвал:

– Полковник Радл.

Радл повернулся.

– Рейхсфюрер?

– Ваша присяга германского солдата фюреру и государ-

ству. Вы помните ее?

– Конечно, рейхсфюрер.

Гиммлер поднял голову. Лицо его было холодным и бесстрастным.

– Повторите ее сейчас.

– «Клянусь богом исполнять эту святую клятву. Я буду беспрекословно повиноваться фюреру германского рейха и народа Адольфу Гитлеру, Верховному главнокомандующему вооруженных сил, и готов как храбрый солдат в любой момент отдать свою жизнь за присягу».

Глазница его снова горела, отрезанная рука болела.

– Отлично, герр полковник. И помните одно: неудача – это признак слабости.

Гиммлер наклонил голову и продолжал писать. Радл поскорее открыл дверь и нетвердым шагом вышел.

* * *

Он решил домой в квартиру не идти. Вместо этого попросил Россмана высадить его на Тирпиц-Уфер, пошел к себе в кабинет и лег на маленькую походную койку, которая имелаась на случай таких непредвиденных обстоятельств. Спал он мало. Как только закрывал глаза, всплывало серебряное пенсне, холодные глаза, спокойный сухой голос, высказывающий чудовищные мысли.

В пять часов, когда в конце концов он сдался и потянулся

за бутылкой коньяка, ему стало ясно, что он должен провести это дело, но не для себя, а для Труды и детей. Надзор гестапо – это для большинства людей очень плохо.

– Но не для меня, – сказал он, снова гася свет. – Мне надо, чтобы сам Гиммлер шел по моему следу.

Все-таки он уснул. Его разбудил в восемь часов Хофер, принеся кофе и горячие рогалики. Радл поднялся, подошел к окну, жуя на ходу рогалик. Утро было серое, шел сильный дождь.

– Бомбежка была сильная, Карл?

– Не слишком. Я слышал, что восемь «ланкастеров» сбито.

– Если вы заглянете во внутренний карман моего мундира, то увидите конверт, – сказал Радл. – Я хочу, чтобы вы прочли лежащее в нем письмо.

Он ждал, глядя на дождь. Хофер смотрел на письмо, и вид у него был потрясенный:

– Что это означает, герр полковник?

– Дело Черчилля, Карл. Оно продолжается. Так хочет фюрер. Мне этой ночью сказал сам Гиммлер.

– А адмирал, герр полковник?

– Не должен ничего знать.

Хофер уставился на него в искреннем замешательстве, держа в руке письмо. Радл взял его у него и поднял кверху:

– Мы маленькие люди, – вы и я, – попавшие в очень большую паутину, и должны ступать осторожно. Эта директива

– все, что нам надо. Приказ самого фюрера. Вы понимаете?
– Думаю, что да.
– Мне вы доверяете?
Хофер встал по стойке «смирно».
– Я никогда в вас не сомневался, герр полковник. Никогда.

Радл почувствовал, как в нем подымается волна признательности.

– Хорошо, тогда мы продолжим то, о чем я говорил в строжайшей тайне.

– Как прикажете, герр полковник.

– Хорошо, Карл, принесите мне все, что у нас есть, и мы еще раз все просмотрим.

Он подошел к окну, открыл его и глубоко вздохнул. От ночных пожаров в воздухе стоял едкий запах дыма. Часть города, видимая ему из окна, лежала в руинах. Странно, почему он так взволнован?

* * *

– Ей нужен мужчина, Карл.

– Герр полковник? – удивленно вымолвил Хофер.

Они склонились над столом, на котором были разложены донесения и карты.

– Миссис Грей, – объяснил Радл. – Ей нужен мужчина.

– А, теперь я понял, герр полковник, – сказал Хофер. –

Человек с крепкими плечами. Тупой инструмент?

— Нет, — Радл нахмурился и взял из коробки на столе русскую папиросу. — И ум тоже, это важно.

Хофер поднес ему огонь:

— Трудное сочетание.

— Как всегда. Кто из тех, кто работает сейчас в Англии на первый отдел, мог бы помочь? Он должен быть абсолютно надежным.

— Есть семь-восемь агентов, которых можно было бы считать такими. Например, Белоснежка. Он два года работает в Военно-морском управлении в Портсмуте. От него мы получаем ценную регулярную информацию о североатлантических конвоях.

Радл нетерпеливо покачал головой:

— Нет, не такой нужен. Эта работа слишком важна, чтобы ее подставлять под удар. Господи, неужели нет других?

— Не меньше пятидесяти, — Хофер пожал плечами. — К сожалению, английская контрразведка удивительно хорошо поработала за последние восемнадцать месяцев.

Радл встал, подошел к окну и стоял там, нетерпеливо постукивая ногой. Он не сердился, скорее всего, он был обеспокоен. Джоанне Грей было шестьдесят восемь лет, и как бы преданна, как бы надежна она ни была, ей нужен был мужчина. Как сказал Хофер, тупой инструмент. Без него все предприятие могло потерпеть крах.

Левая рука болела — рука, которой не было, и это был яв-

ный признак стресса, голова раскалывалась. «Неудача – признак слабости, полковник». Гиммлер сказал это, глядя темными, холодными глазами. Радл задрожал, а когда вспомнил подвалы на Принц-Альбрехтштрассе, то от страха почувствовал позывы желудка.

Хофер неуверенно промолвил:

– Конечно, всегда остается Ирландский реферат. Ирландская республиканская армия...

– Абсолютно бесполезно, – сказал Радл, – связь с ИРА была прекращена давным-давно, и вы это знаете, после фиаско с Герцем и другими агентами. Полный провал всего этого предприятия.

– Не совсем, герр полковник.

Хофер открыл один из шкафов, быстро перебрал содержимое и вытащил папку из мантильской бумаги, которую положил на стол. Радл сел и, нахмуясь, открыл ее.

– Ну конечно, и он еще здесь? В университете?

– Кажется. Когда нужно, он еще делает переводы.

– А как его теперь зовут?

– Девлин. Лайам Девлин.

– Вызовите его!

– Сейчас, герр полковник?

– Вы слышали, что я сказал? Я хочу, чтобы он был здесь не позже чем через час. Даже если для этого вам придется перевернуть Берлин вверх тормашками. Даже если вам придется привлечь гестапо.

Хофер щелкнул каблуками и поспешно вышел. Радл трясущимися пальцами зажег еще одну папиросу и начал читать досье.

Он не намного ошибся в том, что сказал насчет ИРА: действительно, все попытки немцев договориться с этой организацией с самого начала войны ни к чему не привели. Это была, пожалуй, самая скорбная повесть в анналах абвера.

Ни один из немецких агентов, засланных в Ирландию, не достиг ничего существенного.

На свободе некоторое время оставался только один, капитан Герц, которого сбросили с парашютом с «хейнкеля» над Митом в 1940 г., и который ухитрился пробыть на свободе девятнадцать бесполезных месяцев.

Герц обнаружил, что ИРА – раздражающе дилетантская организация, не желающая слушать никаких советов. Как он говорил много лет спустя, члены ИРА знали, как умирать за Ирландию, но не как бороться за нее, и надежды немцев на регулярные нападения на английские военные объекты в Ольстере постепенно растаяли.

Радл все это знал. Интересовал его по-настоящему только один человек, который называл себя Лайамом Девлином. Девлина по поручению абвера сбрасывали с парашютом в Ирландии, и он не только остался жив, но и пробился в конце концов в Германию, что было редчайшим достижением.

Лайам Девлин родился в Лисморе, графстве Даун, на севере Ирландии в июле 1908 г. и был сыном мелкого аренда-

тора, которого расстреляли в 1921 г. во время англо-ирландской войны за участие в летучем отряде ИРА. Мать мальчика пошла в экономки к брату, католическому священнику в районе Белфаста Фоллз Роуд, и дядя устроил его в иезуитский пансион на юге. Оттуда Девлин перешел в колледж Троицы в Дублине, который блестяще окончил по специальности «английская литература».

Он опубликовал несколько стихов, интересовался карьерой журналиста, возможно, стал бы процветающим писателем, если бы не случай, который полностью перевернул его жизнь. В 1931 г., находясь в гостях дома в Белфасте в период серьезных религиозных бунтов, он оказался свидетелем того, как толпа оранжистов разграбила церковь его дяди. Старого священника так сильно избили, что он потерял глаз. С этого момента Девлин полностью посвятил себя делу республики.

Во время нападения на банк в Дерри в 1932 г., предпринятого для пополнения казны движения, он был ранен в перестрелке с полицией и приговорен к десяти годам тюрьмы. В 1934 г. сбежал из тюрьмы и, находясь в бегах, в 1935 г. руководил обороной католических районов в Белфасте во время беспорядков.

Летом того же года его послали в Нью-Йорк убить доносчика, которого полиция ради его же блага посадила на пароход, идущий в Америку, после того как он продал информацию, приведшую к аресту и казни через повешение молодого

добровольца ИРА по имени Майкл Рейлли. Девлин исполнил поручение с таким умением, которое еще выше подняло его репутацию, становившуюся легендарной. Позже, в том же году, он выполнил еще два подобных поручения – одно в Лондоне, другое в Америке, в Бостоне.

В 1936 г. Девлин уехал в Испанию, где служил в бригаде имени Линкольна. Был ранен и схвачен итальянскими войсками, которые, вместо того чтобы расстрелять, сохранили ему жизнь, надеясь обменять на одного из своих офицеров. Хотя это и не удалось, Девлин остался жив, и правительство Франко в конце концов приговорило его к пожизненному заключению.

По настоянию абвера он был освобожден осенью 1940 г. и привезен в Берлин, где, надеялись, он сможет оказаться полезным германской разведке. Именно на этой стадии дела пошли, к сожалению, плохо, потому что, как было видно из досье, Девлин, не питая особой симпатии к коммунизму, оказался убежденным антифашистом – факт, который отчетливо выявился во время допроса. Засылать Девлина было очень рискованно, и его считали годным только для небольшой переводческой работы и преподавания английского языка в Берлинском университете.

Но затем положение коренным образом изменилось. Абвер сделал несколько попыток вызволить Герца из Ирландии. Все они потерпели фиаско. В отчаянии Ирландский отдел вызвал Девлина и попросил его спрыгнуть с парашютом

над Ирландией с фальшивыми документами путешественника, войти в контакт с Герцем и вывезти его на португальском или другом нейтральном судне. Девлина сбросили над графством Мит 18 октября 1941 г., но до того, как он смог войти в контакт с Герцем, немца арестовал Специальный ирландский отдел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.